
Евграф СВЕТАНИН

УБЕЖАТЬ ОТ ТЕНИ

Повесть

МАЯЧКИ

Рик Андерсен купил этот старый дом на озере у вдовы своего коллеги, недавно скончавшегося профессора. Рик был пленен и необычной для нашего времени конструкцией бревенчатого дома, и возможностью уединения на природе. Он давно решил купить его и неоднократно осведомлялся у старого профессора, не тяжело ли тому убирать снег на участке и добрые сорок или пятьдесят минут добираться до работы и домой в темное время года.

— Ничего, привычка, — отвечал старичок.

Вдова профессора сразу после его смерти решила продать дом, и Рик немедленно купил его, невзирая на то, что появившиеся вокруг за последнее десятилетие соседние дома сильно подрезали возможность вожденного уединения, а шум от моторных лодок на озере заставлял закрывать выходящие на него окна. Соседи, впрочем, были милыми людьми, и Рик с удовольствием устраивал для них воскресные пикники на своем участке, точнее — прямо на мостках, спускавшихся к мелкому песчаному пляжу. Гости приносили с собой напитки (в основном пиво) и закуски. Они расслабленно и неторопливо болтали о детях, собаках и разных пустяках.

Однако, принимая гостей в эту субботу, Рик не был расслаблен, а напряженно ждал одного из соседей, заместителя шерифа. Когда тот наконец появился, Рик стал обдумывать, что следует тому рассказать, прежде чем задать беспокоивший его вопрос об одном недавнем происшествии.

Беспокоила прежде всего непонятность происшествия. Началось все три недели назад, когда вернувшийся домой на каникулы из университетского городка сын Рика взял отцовский внедорожник «форд» для пятидневной поездки куда-то в висконсинские леса. Во время поездки у него затерялся мобильник. Затрудняло поиски то, что батарейка разрядилась, и телефон не отвечал на звонки.

— Скорее всего, он застрял где-то в машине, — предполагал вернувшийся в Миннесоту сын. — Ты, папа, обычно успешнее находишь мои вещи.

Тщательно обыскав машину и не обнаружив мобильника, Рик поделился мелкой неприятностью со своим ассистентом Тимофеем Костомаровым, которого все звали просто Тимом. Общительный, находчивый и чуть-чуть хвастливый Тим был запанибрата с половиной университета.

— Ерунда, найдем, — мгновенно отреагировал тот. — Загоним машину в лабораторию нашего рыжебородого толстяка и вытащим аккумулятор, чтобы обесточить

Евграф Светланин — творческий псевдоним двух авторов, выпускников Ленинградского университета: доктора физико-математических наук Светланы Ивановны Ковинской и доктора технических наук Эдуарда Львовича Амромина. Под этим же псевдонимом в 2015 году в издательстве «Нестор-История» вышла их книга «Избранный».

НЕВА 5*2017

ее. Мобильник еще периодически напоминает слабыми импульсами о необходимости подзарядки, а они в своем шлюзе могут выявить даже очень слабые источники.

Так и сделали. Мобильник нашелся между подушками заднего сиденья. Однако нашли не только его. Под крылом машины, над левым задним колесом, был прикреплен радиомаячок.

— Ты хоть что-то можешь сказать о поставивших эту штуку? — спросил Тим удивленного лаборанта, помогавшего ему.

Лаборант, самостоятельно определив только, на сколько процентов разряжена батарейка маячка, пошел советоваться с шефом. Через несколько минут он вернулся с испуганным лицом.

— Мы не будем заниматься этим. Ваше дело, станете ли вы искать виновных, но шеф просил никому не говорить, что эта штука найдена в нашей лаборатории. В конце концов, ее могли найти случайно, — медленно отрапортовал он, протягивая уложенный в полиэтиленовый мешочек маячок.

Перед тем как отнести находки Рикю, Тим, потолковав с разными знакомыми, понял, что маячок работал месяца три. Рик был настолько ошарашен полученной информацией, что даже новость о находке мобильного сообщил сыну не своим голосом.

— У тебя какие-то неприятности, папа? — спросил тот, но Рик, не отвечая сыну, повесил трубку.

— Профессор Ричард Андерсен, пойдемте перекусим, а по дороге что-нибудь придумаем, — театрально напыщенным тоном сказал Тим и добавил, посмотрев на окаменевшего Рика: — Поедем на моей развалюхе.

Они сели в выдавший виды «шевроле призм», к которому Тим испытывал непонятную привязанность. Вскоре они приехали в довольно шумную пиццерию. Рик чуть поморщился, войдя туда.

— Я привез вас сюда, чтобы потом заглянуть к моему знакомому Марку. Его автомастерская рядом, — объяснил Тим, — Марк приехал сюда в 1992-м, а до того в Советском Союзе заведовал радиотехнической лабораторией в каком-то институте, связанном с аэрофотосъемками. Может быть, он поможет разобраться с вашим маячком.

Когда они вошли в мастерскую, Марк, невысокий коренастый брюнет лет шестидесяти, разговаривал с клиентом. Каким-то неуловимым для Рика жестом Тим вызвал его наружу и что-то тихо сказал по-русски. Марк вернулся в офис, но минут через пять вышел в резиновых перчатках. Он вынул маячок из пакетика, пару минут вертел и разглядывал.

— Я всегда рад, Тимофей, видеть тебя и готов срочно поменять масло в твоей машине, раз тебе надо, — неестественно громко сказал он по-английски, глядя в глаза изумленному Тиму, который вовсе не собирался в тот день менять масло. — Давай свои ключи. Это быстро, не уходи.

Марк поставил «шевроле» над ямой и спустился туда. Через несколько минут он жестом пригласил Тима последовать его примеру. Тим спрыгнул вниз, и Марк показал пальцем под крыло, где был прикреплен точно такой же маячок, что и в пакете. Когда Тим было потянул руку к маячку, Марк неожиданно резко ударил его по руке, воскликнув: «Идиот! Вылезай немедленно». Закончив работу с маслом, он позвал гостей в какую-то кладовую.

— Я уже давно не работаю как радиотехник, а техника так ушла вперед, что я не смогу ответить на твои вопросы, Тимофей, — уже по-английски объяснял он, но некоторые его слова Рик понимал с трудом из-за сильнейшего акцента. — Могу помочь только советом. Ты говоришь, что непонятно, кто следит за вами. Неважно, какие-то преступники или спецслужбы следят, но если вы уберете маячки, они будут знать, что вы обнаружили слежку, и жить вам станет сложнее.

Ночью Рик спал плохо, пытаясь понять, какие дела могли вызвать слежку с установкой маячков и на его машине, и на машине Тима. Понять было трудно. Они работали вместе уже с десяток лет. Тим окончил престижный российский университет, но работы по специальности в России в 1998 году не было. Как и многие в его положении в те годы, он нашел место в одном из американских университетов, где защитил диссертацию и по рекомендации своего профессора попал на факультет к Андерсену, сначала как научный сотрудник, затем, когда появилась вакансия, как ассистент. Как обычно в университетах, у Рика и его расторопного помощника Тима было много заказчиков на мелкие работы, чаще всего заказчиков из государственных агентств, но ничего особенно секретного, как казалось Рiku, они не делали. Желание позвонить Тиму, чтобы обсудить одно из подозрений, он подавил: раз следят, то могут прослушивать и телефон. Решение пришло наутро, когда он отвозил в аэропорт жену, летевшую на день рождения сестры. Загнав машину в паркинг аэропорта, он проводил жену внутрь терминала и, найдя там телефон-автомат, позвонил глуповатой и доверчивой кузине в Орегон.

— Привет, милочка, хочешь принять участие в университетском исследовании? Это касается работы нашей почты.

— А что надо делать?

— Я тебе pošлю маленькую посылочку. Когда ты ее получишь, оберни в новую бумажку и отошли обратно, но обязательно наземной почтой, хорошо?

В тот момент такая пересылка показалась ему блестящей идеей. «Они должны отследить движение маячка. Кто спросит меня об Орегоне — тот и следил». Рик заметно нервничал последующие дни и удивлялся спокойствию Костомарова. «Видно, они со своим старым КГБ и новой мафией привыкли к слежке, как лайки к холодной зиме», — подумал он о русских. Когда же посылка вернулась, но никто не стал спрашивать об Орегоне, Рик рассказал обо всем Тиму.

— Профессор, а не подставили ли вы свою родственницу неизвестно кому? — спросил тот, и Рик заволновался.

— Вы думаете, мне надо идти в полицию? — спросил он.

— Не знаю. У наших неизвестных слишком много выдержки для простых бандитов или шантажистов, и, наверное, они имеют не один канал слежки за нами. Главное — я не понимаю, на что вы могли бы пожаловаться в полицию. Ни вас, ни меня еще не изувечили и не ограбили.

Тогда Рик решил посоветоваться со своим соседом — заместителем шерифа.

БРЭД — ЗАМЕСТИТЕЛЬ ШЕРИФА

Заместитель шерифа Брэд Свенсон был известным футбольным фанатом, но Рик не интересовался футболом. Другое хорошее вступление к разговору с соседями — что-нибудь об их собаках, благо, по меньшей мере, две трети семей в их пригороде держат собак. У Брэда была овчарка, не выдрессированная как служебная собака, что было даже несколько странно для полицейского. «Служебные дрессированные надоели мне еще за годы моей службы в армии на наших аэродромах в Афганистане и Узбекистане», — объяснял он. Большая часть участков была без заборов, и дружелюбная овчарка часто навевывалась к соседям, позволяя соседским детям тискать себя.

— Брэд, позавчера ваш пес задрал кролика прямо перед крыльцом моего соседа. Как вы поделили добычу? — попытался начать с шутки приветливо улыбающийся гостю Рик, в то время как тот поддевал крекером какой-то соус.

— Рик, раньше вы говорили мне, что ваша работа связана главным образом с методами передачи информации. Как давно вы переключились на полевые наблюдения? — поддержал шутливый тон Брэд, потянувшись за бутылкой мюнхенского пива.

— Недавно, и тому была причина. Более того, я хотел бы в связи с этим попросить у вас профессионального совета, — ответил с неожиданно помрачневшим лицом Рик. И рассказал историю с маячками.

Брэд слушал не перебивая, потом открыл бутылку и жестом предложил Рiku подойти к озеру. Они спустились к самой воде. Коротко стриженный, плечистый, начинающий полнеть Брэд встал лицом к ней. Рик был только немного выше его, встав вполоборота к собеседнику, он, привычно сутулясь, наклонил усатую, с большими залысинами голову. Маленькие круглые очки и внимательный взгляд дополняли образ профессора.

— Я помню этого Тима, такой общительный, стройный шатен, выше среднего роста, с каким-то пятном под левым ухом, я его пару раз видел у вас. У него есть семья? — спросил Брэд, попутно продемонстрировав профессиональную память.

— Нет. Недавно, правда, я встретил его с русской сероглазой красоткой из Франции, и он представил ее как невесту.

— Из Франции, но русская?

— Да.

— Он вас не приглашал в какие-нибудь большие русские компании? Он такой общительный, и, как следует из истории с мастерской, знакомые его могут быть самого разного рода.

— Нет, не приглашал.

— Он, полагаю, не мог брать деньги в долг с упоминанием вас как гаранта, не так ли?

— Без моего ведома?

— Таких ничего не подозревающих гарантов-заложников иногда требуют в криминальных кругах, когда в долг просят, например, зарвавшиеся игроки.

— Нет, он не игрок. В таких людях азарт и агрессивность проявляются скорее в профессиональной работе. Как и во мне самом, мне кажется,

— Да, это так и для наших следователей, — подтвердил Брэд и после длинного глотка добавил: — Тогда подумайте о чем-либо связанном с вашей профессиональной деятельностью. Есть ли у вас в университете недоброжелатели, которые хотели бы вас скомпрометировать, поймав на чем-то, чем вы занимаетесь где-то вне университетской территории, и потому решив следить за вашими передвижениями?

Брэд повернулся спиной к воде, и собеседники направились к столу с закусками.

— Тайные завистники, конечно, не исключены, но... — начал Рик.

— Я не спрашиваю, на чем именно можно было бы вас поймать сравнительно недавно, но не старайтесь припоминать ваши подвиги студенческих лет, — перебил его Брэд.

В свои пятьдесят шесть Рик и не старался припомнить их.

— Уж точно я не могу припомнить ничего такого, в чем был бы замешан и Тим, — искренне ответил Рик.

Они подошли к столу и взяли по бумажной тарелке. Положив в нее какой-то салат, Брэд начал рассуждать вслух.

— Тогда, скорее всего, это дело связано с заказчиками. Предположим, вы даже кого-то из них подозреваете и могли бы выделить какие-то контракты. Университет для нас — дело тонкое, и мы не можем вызвать всех участвующих в этих контрактах на проверку машин в полицию по непонятному подозрению. Нереально их проверить и в вашем университете — мало ли где и когда они паркуют машины. Даже если бы мы нашли другие маячки, что дальше? Коммерческие контракты

обычно ограждены соглашениями о неразглашении коммерческой тайны, а как полиция может догадываться о мотивах на пустом месте?

— Так что никаких перспектив? — кислым тоном спросил Рик, нанизывая на пластмассовую вилку кусочек холодной курицы.

— Надо подумать. Пока единственная зацепка — отсутствие реакции на поездку вашего маячка в Орегон и обратно, — и, с удовольствием посмотрев в изумленное лицо профессора, заместитель шерифа продолжал: — Мелкая свора, какие-нибудь вымогатели, скорее всего, следили бы за вами непрерывно и отреагировали бы на поездку сразу. Крупная служба, что казенная, что частная, собирая большие объемы информации, не проверяет записи постоянно, а делает проверки по запросу.

— И какие же выводы?

— Живите с предположением, что вам ничего не угрожает. Главное — не инициировать запрос такой службы. Полиция вам вряд ли поможет.

Тут, улыбаясь, подошла жена Рика. Он не хотел посвящать ее в свои тревоги, и разговор о маячках оборвался сам собой.

«Придется ехать к дяде. У него опыт работы в секретных службах, и он может что-то прояснить», — подумал Рик и поехал. Дядя, живший на севере Миннесоты на берегу Верхнего озера в удаленном от цивилизации месте, не был приятным человеком. Он много лет проработал где-то в Азии, но в ответ на расспросы о тех годах отмалчивался. Отец Рика рассказывал о какой-то романтической истории, подтолкнувшей дядю отправиться в далекие края, но тогда еще юный Рик слушал невнимательно и припомнить детали истории теперь не мог. Однажды на свадьбе родственницы осмелевший от выпитого Рик попытался все-таки что-нибудь узнать о дядиной работе.

— Зачем тебе это знать? Хочешь неприятностей? — огрызнулся дядя.

Последние десять лет перед выходом на пенсию он служил в каком-то отделе Министерства обороны. Ему было за семьдесят, у него никогда не было семьи, и теперь единственным существом, с которым он общался, была собака. Его сосед утверждал, что, когда собака лаем отвечала на дядины вопросы, тот понимал смысл лая. Рик, которому иногда бывало очень трудно понять иностранных студентов, ответил: «При дядином опыте жизни в Азии — вполне возможно». Ехать к нему нужно было около трех часов. Рик ожидал, что разговор, как всегда, будет тяжелым. Дядя свирепел всякий раз, когда в разговоре появлялись эмоции или какие-то неточности. «Но выхода нет, придется ехать. Понедельник у меня занят. Значит, во вторник или среду», — подумал Рик.

В понедельник утром Рик проснулся раньше обычного. В буднее летнее утро лодок на озере было мало, и он искупался. Жена положила в омлет какой-то особенно вкусный бекон и подала завтрак на балкон. Рик, не обращая внимания на готовый завтрак, задумчиво смотрел на шумную драку птиц, кружившихся у самого берега. «Слишком много неизвестных, чтобы хотя бы очертить проблему, — уныло подумал Рик. — Но нельзя все время думать о неприятностях, тем более — непонятных неприятностях».

Летом не было лекций, но американские преподаватели обычно не отгуливают полностью свои длительные отпуска, и для большинства из них лето — пора самых интенсивных исследовательских работ. Итак, в понедельник Рик поехал на факультет и погрузился в рутинные заботы. Встретившись в коридоре с Тимом около полудня, он даже не стал упоминать о разговоре с Брэдом, только заметил:

— Неплохо бы нам сегодня пообедать вместе, — и, не дав Тиму открыть рот, спросил: — Вы не возражаете против итальянского ресторана?

— Хорошо. Поедем на двух машинах, мне потом нужно заскочить в банк.

ОРЕГОНСКАЯ ПОСЫЛКА

Перед самым обедом Рику позвонила жена. Как известно, мужчины покупают втридорога нужные вещи, а женщины — за полцены ненужные. Во время обсуждения очередной ненужной, с его точки зрения, покупки Рик раздраженно выпалил:

— Такая покупка была бы в духе моей кухни-простофили. Не могу забыть, с каким серьезным видом она спрашивала меня: «Как вы готовитесь к проблеме двухтысячного года и что покупаете в связи с ней?».

— Кстати, забыла тебе сказать, — заметила жена, — орегонская простофиля звонила в пятницу вечером, когда ты уже спал, а я еще досматривала сериал. Она никак не возьмет в толк, что у нас одиннадцать, когда у них еще девять. Так вот, в среду к ней и к ее соседям приходил какой-то юноша, расспрашивал о всех их почтовых отправлениях за последний месяц, заносил в какой-то бланк ответы и имена всех живущих и сказал, что они примут участие в каком-то исследовании, а в награду между ними разыграют приз. Простофиля взяла копию бланка и показала мужу. Тот поднял ее на смех, назавтра она решила позвонить и узнать подробнее о возможном выигрыше. Однако телефон оказался отключенным. Она еще просила рассказать тебе об этом.

Первой реакцией Рика была жалость к простофиле и даже некоторые угрызения совести за то, что на этот раз она, по-видимому, влипла в дурацкую историю с его подачи. Однако в подобных и даже в более сложных случаях он обычно быстро успокаивал себя, вспоминая завет покойного отца: «В любом деле или ты используешь кого-то, или кто-то использует тебя». Отец вырос в бедной семье и учил сына пробиваться, не брезгуя работать локтями, но компания сына в его студенческие годы в Массачусетском технологическом институте состояла в основном из вальяжных отпрысков обеспеченных семей, и она сильнее всего отразилась на манерах профессора Андерсена. Это иногда обманывало окружающих, незнакомых с заветом его отца.

Поскольку вся история с посылкой простофиле была задумана, чтобы спровоцировать реакцию на нее, сообщение жены не было неожиданностью для Рика. «Значит, отслеживают. Кто бы это мог быть? Надо будет сегодня позвонить простофиле и попросить выслать бланк. Жаль, что не знал, когда говорил с Брэдом», — подумал Рик.

Посмотрев на часы, он направился в офис Тима и оторвал его от чтения какой-то русской газеты на экране компьютера.

— Русский автор в любопытной статье анализирует курсы акций нескольких тexasских компаний до и после вторжения в Ирак и на этом основании клеймит их как поджигателей войны, — объяснил Тим.

Тим, со своим почти квадратным подбородком и приветливой улыбкой, был похож скорее на среднего европейца, чем на русского. Не было в его лице обычных для славян мягких, размытых черт и, что еще важнее, какого-то особого выражения, по которому русские безошибочно узнают друг друга за границей. Коротко подстриженные волосы только усиливали впечатление энергичности и напористости, которое появлялось сразу, как только Тим начинал говорить.

— Хотя я недолюбливаю эти компании за их безоговорочную поддержку республиканцев, должен заметить, что не каждый выигравший — шулер, — скептически заметил Рик. Тим же подумал, что хотя Рик и хороший ученый, но как демократ он верит в то, что автомобильные выхлопы — источник изменения климата. Республиканцы, впрочем, также верят во всякую чушь, которую сами же придумали.

За обедом Рик рассказал Тиму о разговоре с Брэдом и об истории с орегонской анкетой. Тим ел лазанью без особого аппетита. Такая еда без стакана кьянти стояла поперек горла, почти как пирожки на вокзале, но Америка — не Европа, и здесь в университетах днем не пьют. Только однажды он видел в университетском кафе почтенного старца с бутылкой вина на столе. «Так это же наш нобелевский лауреат», — объяснили ему.

— Признаться, я тоже пытался кое-что понять, — сказал Тим, дослушав Рика. — На прошлой неделе я уговорил четырех наших сослуживцев поменять масло у Марка якобы с большой скидкой. Разницу я ему доплатил. Ничего он у них в машинах не нашел. Предмет слежки — только мы двое. Не начать ли нам с проверки телефонных номеров и веб-сайтов всех наших контрактов?

«АРХИМЕД ЛИМИТЕД»

Вернувшись в университет, Рик и Тим достали из сейфа документы, относящиеся к трем действующим или совсем недавно завершенным контрактам. Один из контрактов, курируемый Национальным научным фондом, был предназначен для поддержки студентов старших курсов и аспирантов и, несмотря на громкие декларации, никаких открытий не обещал и был вне подозрений.

Второй контракт был от местной фирмочки, получившей деньги, в рамках программы помощи малому бизнесу, от государственного института здравоохранения, но бывшей не в силах выполнить самостоятельно обещанные в заявках исследования и поэтому делившейся пирогом с университетом. Фирмочку лет пятнадцать назад основали недавние иммигранты — армянин и латыш. Оба были добротными учеными, известными в своей среде, но уже не молодыми. Университетская карьера в Америке им не светила, но добывать казенные деньги на свои исследования они научились. Когда пару лет назад к ним присоединился иммигрировавший из Ирака профессор медицины, слишком старый для попыток сдать экзамены на право медицинской практики в Америке, медицинская тематика также вошла в круг интересов фирмочки.

— Все, что связано с медициной, — провозгласил Рик, перелистывая контракт, — в наше время пахнет финансовыми злоупотреблениями. Кроме того, люди могут шпионить за разработками конкурентов. Мы столько раз связывались с этой троицей, что проверять их телефоны бесполезно. Тим, лучше попробуйте дозвониться по телефонам, указанным в контракте с «Архимед лимитед».

Этот контракт был получен от малоизвестной фирмы с адресом в Оклахоме. Тема контракта была, пожалуй, самой интересной. Тут дело было не в какой-то частной информационной системе, а в некоторых технических аспектах влияния массовых информационных систем на общество в целом. Представитель этой фирмы впервые вышел на контакт с профессором Андерсеном на одной научной конференции, состоявшейся пару лет назад. Он сел за один стол с Риком во время обеда и задал несколько вопросов по его утреннему докладу. Они обменялись визитками. Рик тогда скользнул взглядом по незапоминающемуся имени «Джон Браун» на визитке и, не обратив внимания на странную комбинацию герба Соединенных Штатов и названия компании — «Архимед лимитед», запихнул ее среди других в отведенный для этого карман портфеля.

Он не вспоминал об этой визитке месяца два, до неожиданного телефонного звонка человека, представившегося начальником хозяина визитки. После короткого разговора они договорились встретиться через два дня в гостинице «Хилтон».

В назначенный день двое мужчин встали с дивана в холле гостиницы и уверенно направились к Рику, когда он вошел. «Вильсон», — представился один из них. «Рад снова встретить вас», — сказал другой, и Рик повторил его приветствие, хотя и не смог вспомнить, как же тот выглядел на конференции. Тогда он не обратил внимания на странную визитку, но сегодня она вдруг показалась ему подозрительной, так же как и средиземноморский облик человека с английской фамилией Вильсон.

Они прошли в кафе гостиницы, сели за столик и заказали кофе. Браун сел рядом с Риком, Вильсон — напротив.

— Как вы поняли при вашей встрече, — начал разговор Вильсон, — мистер Браун скорее технарь, я же — гуманитарий. Наша фирма образовалась, когда президент Буш решил освободить наш государственный аппарат от ряда неспецифических служб, и мы выделились, скажем так, из нескольких силовых ведомств.

— Да, раньше зарплаты начальников там не могли быть выше президентских, — съехидничал Рик, — зато теперь президент компании, пекущей булочки для Пентагона, может получать больше президента Соединенных Штатов.

— Наша фирма, в частности, занимается вопросами, связанными с материальной базой демократии, — не обращая внимания на реплику, продолжал Вильсон. — Позвольте мне небольшой экскурс в историю человечества.

Рик был удивлен таким предложением, и его лицо это явно выражало. Вильсон улыбнулся, сделал паузу, а затем продолжил:

— Истории хорошо известны две основные формы демократии: Демократия городов, существовавшая у древних греков и римлян, и представительское правление, которое образовалось в Европе после распространения книгопечатанья и газет. Первая форма была основана на личных контактах. Помните, какое впечатление произвел на толпу Антоний на похоронах Цезаря в шекспировской трагедии? — повысил тон Вильсон и после утвердительного кивка Рика продолжил: — Шекспир реалистично описал манипуляцию толпой при личных контактах. Однако такая форма должна была оказаться негодной для больших государств, что и показала Римская история. Такая форма могла затем существовать только в маленьких государствах, таких, как средневековая Венеция.

— Или Новгород в России, — добавил Рик, знавший кое-что о России из разговоров с Тимом.

— Так вот продолжу, для представительской демократии действующей в обширных странах, главное было — газеты, а без печатного станка их быстрое и дешевое распространение было бы невозможно. Книги менее важны, поскольку массы читали скорее газеты, чем книги. Власти всегда боролись за влияние на газеты и в случае чего могли, например, закрыть газету. Телевидение не сильно изменило ситуацию с пропагандой идей. Они по-прежнему распространялись из небольшого числа легкоконтролируемых центров, просто появились некоторые требования к внешней привлекательности пропагандистов.

— Приводившие к трагедиям сбои в системе не были вызваны негодностью ее материальной базы, это были сбои из-за ошибок управляющих, — неожиданно присоединился к беседе Браун.

— Ситуация в корне изменилась с распространением Интернета и социальных сетей, — продолжил Вильсон. — Посмотрите на недавние арабские революции...

— Так вы работали на ЦРУ? — вдруг перебил его Рик.

Вильсон замолк и глотнул из практически пустой чашечки кофе. Казалось, он обдумывает ответ.

— Профессор, — вмешался Браун, — в некоторых ваших статьях, которые мы просматривали после конференции, есть благодарности Министерству обороны

за финансирование исследований. А секретные исследования для них вы также проводили?

Все рассмеялись.

— Так вот, эти недавние революции были бы маловероятны или вовсе невозможны без Интернета, — продолжил уже Браун, — а закрыть Интернет как прежде закрывали газеты без паралича для всей экономической жизни страны, невозможно.

— Возможно, теперь нарождается какая-то новая форма демократии, но мы выросли в представительской демократии, — присоединился Вильсон. — Наша миссия — защищать ее, а для этого надо понимать происходящее. Как происходит манипуляция массами через социальные сети?

— Чем же мы можем быть полезны? — поинтересовался Рик.

— Мы бы хотели, чтобы вы разработали системный подход к проблеме распространения информации. При этом крайне важно учесть новейшие технологии, — как-то зазубренно произнес Браун.

— Мы имеем некоторый опыт... — попытался вставить Рик.

— Ваша группа должна выделить оптимальную схему источников информации, роль передатчиков информации и определить влияние обратной связи элементов системы на распространение информации, — не обращая внимания на слова Рика, продолжил Браун. — Вы должны также рассмотреть эффекты контринформации.

— Контринформации? Это интересно. Какое-то время нам понадобится на ознакомление с предыдущими исследованиями. Нужно ведь еще определить, что входит в систему, — заметил Рик.

— К сожалению, мы не можем познакомить вас с работами на эту тему, которые мы финансировали три-пять лет назад. Это исключено полностью.

— Коммерческая тайна?

— Неважно, — вмешался Вильсон, — не можем, и все. Я хочу подчеркнуть, что вы привлекаетесь к довольно перспективной задаче распространения информации в обществе и должны будете разработать соответствующую математическую модель. Как писал немецкий философ Кант: «В каждом знании столько истины, сколько математики...»

— Более детальная постановка задачи будет сформулирована в техническом задании. Вы будете работать только на предоставленных вам компьютерах, куда вы можете поставить нужные программы. Компьютеры мы возьмем обратно по окончании работы, — заметив ухмылку на лице Рика при последних словах Вильсона, прервал сослуживца Браун.

Рик посмотрел на собеседников и подумал: «Как-то не очень они похожи на защитников демократии. Но задача интересная. Тим будет в восторге. Жаль, что публикации не разрешены заказчиком. Это неприятно, но бывает», — подумал он тогда.

Теперь Тим, вернувшийся в кабинет Рика, отвлек его от воспоминаний.

— Рик, к этим двум телефонам никто не подходит, но можно оставить запись на автоответчике, и тут все нормально, но...

— Что еще за «но»?

— Я стал искать в Интернете здание их офиса. Гугл показал, что по указанному адресу имеется только незастроенный участок и столбик с номером дома. Даже почтового ящика нет.

— Не может быть! Мы же посылали им кое-какие результаты по этому адресу и после обсуждали их.

— В этом нет ничего невозможного. Вы можете оставить на почте заявление с просьбой пересылать корреспонденцию по другому адресу.

— На чье же имя куплен участок?

— Не имеет смысла проверять. У нас очень либеральные законы. Я могу зарегистрировать свою фирму по вашему адресу, и вы даже не будете знать об этом. Хотите проверить?

— Нам не до развлечений, Тим. Пойдемте выпьем кофе в ближайшее кафе и обдумаем следующий шаг.

ПЛАН ДЕЙСТВИЙ

Университетское кафе было рядом, и дорога туда шла по красивой тенистой аллее, всегда наполненной студентами. Во время каникул аллея была почти пустая. Рик и Тим медленно направились к кафе.

— Я не уверен, что нас не подслушивают в моем кабинете, — заметил Рик, когда они отошли от здания лаборатории. — Мне бы надо связаться с моим дядей. Я вам расскажу о нем потом. Главное, что он знаком с работой секретных служб. Не ждите, что он вам о них расскажет, но зная, как они работают, он может дать полезные советы. Я собираюсь к нему завтра, и мы даже можем поехать вместе, но его надо предупредить о визите, и я не хотел бы использовать мой телефон. Кроме того, если мы пришли к мнению, что причина слежки за нами — работа на «Архимед лимитед», то неплохо бы захватить кое-какие материалы по контракту.

Когда они вошли в кафе, Тим обшарил его взглядом и сразу направился к столу, за которым пышная блондинка о чем-то оживленно беседовала с толстым бородачом. Это была Джейн, лаборантка с соседнего факультета. Джейн дружила с секретаршей у них на факультете, поэтому Рик и Тим были хорошо знакомы с ней. Их обоих сместило, что она кокетничала не только с Тимом, но и с пожилым Риком. Они иногда встречали и толстяка, который был ее женихом. Толстяк, обычно спокойный и медлительный, вдруг преображался, если Джейн заговаривала с кем-то из мужчин. Его жесты становились резкими, а лицо напряженным, с бегающими маленькими глазками и белыми пятнами на щеках. Тим прозвал его «Отелло».

— Джейн, милочка, профессору нужно сделать срочный звонок, но он забыл свой мобильник. Не дашь ли на минуточку твой?

Джейн протянула свой мобильник, не прерывая беседы. Тим передал его Рик. Разговор с дядей не занял и минуты. Возвращая телефон и благодаря блондинку, Тим смачно поцеловал ее в щеку, испытыв больше удовольствия от созерцания реакции толстяка, чем от поцелуя. Затем он повернулся к Рик.

— Договорились на завтра, — спокойно сказал Рик. — Я предупредил его, что мы приедем вместе, и рассказал ему о тебе. Дядя — человек нелегкий, но бывалый, и разговор с ним должен многое прояснить. А теперь я, пожалуй, поеду домой.

Они договорились встретиться следующим утром у Рика. Перед этим Тим возьмет в лаборатории кое-какие копии, а затем заедет к Рик. Ехать к дяде решили на машине Рика, оставив его маячок дома.

Простившись с Риком, Тим вдруг вспомнил, что забыл заехать в банк. Он почти бегом направился в паркинг, сел в машину и, не застегивая ремня безопасности, что бывало с ним нечасто, рванул в банк. Когда он захотел обогнать неторопливого водителя впереди, он вдруг увидел машину, ехавшую ему навстречу по его полосе. «Сумасшедший», — пронеслось в голове у Тима.

НЕПРИЯТНОСТИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Вечером, когда Тим просматривал почту, раздался звонок телефона. Звонил взволнованный Рик:

— Я звоню по мобильнику моей жены.

Тим с удивлением спросил:

— Что случилось?

— Мою родственницу в Орегоне арестовали за найденный в машине пакет изпод наркотиков. Уже отпустили. Она не то что наркотиков не пробовала, она крепче пива ничего в своей жизни не пила. Абсолютно точно, что все было подстроено.

— Без паники, — сказал скорее себе Тим. — Где-то же должен быть конец у этого кошмара. Ваша родственница нашла адвоката?. Правда, сначала лучше получить совет вашего дяди. Поскольку мы уже собрались ехать к нему, отложим действия до завтра.

Походив в растерянности по комнате минут пять, Тим снова услышал звонок. Звонил снова Рик:

— Тим, я только что поговорил об орегонских делах с моим соседом Брэдом Свенсоном. Он, вместо ответа на мой вопрос «Что делать?», спросил, у кого, кроме меня, есть ключи от моего кабинета в университете. Когда я ответил, что запасной ключ имеется в приемной у секретарши, он вдруг заявил: «Рик, помните, что вы не обязаны отвечать на чьи-либо вопросы в отсутствие вашего адвоката» — и повесил трубку. Я не понимаю, что он имеет в виду.

— Может быть, он предполагает, что ваша родственница может упомянуть вас в разговорах с полицией...

— Ну и что?.

— Рик, пока вас никто ни о чем не спрашивает. Спите сегодня спокойно, а завтра мы, может быть, получим полезный совет.

Во вторник утром, проглотив завтрак, Тим стал думать о странном контракте и событиях последних дней. Можно предположить, что сбор информации о почтовых отправлениях мог проводиться какой-то компанией. «Орегонская простофиля могла что-то напутать с номерами телефонов. Совпадение двух независимых событий во времени не является невероятным, но наркотики у такой особы, как ее описывает Рик, — это явно подстроено». Посмотрев на часы, Тим встал и, быстро собравшись, поехал в университет. Подъехав к зданию лаборатории, Тим увидел несколько полицейских машин. В это время мимо его машины проходил аспирант Рика, вышедший из здания лаборатории.

— Джим, в чем дело? — громко спросил его Тим. — Почему здесь столько полиции?

— В кабинете профессора Андерсена обыск. Больше ничего не известно, — испуганно сообщил аспирант и пошел дальше.

Тим тотчас же позвонил Риду:

— Рик, вокруг нашей лаборатории полицейские машины, и я не рискнул зайти туда за бумагами. Я встретил вашего аспиранта Джима, и он мне сказал, что у вас в кабинете обыск.

— Я немедленно выезжаю в лабораторию.

— По-моему, после ареста вашей родственницы это было бы не только рискованно, но и просто глупо. Нужно ехать либо туда, где у вас уже назначена встреча, либо к адвокату.

— Вы забываетесь, Тим. Мы, конечно, друзья, но так разговаривать с боссом не принято.

— Извините, профессор, — обиженным тоном ответил Тим. — Что же вы мне прикажете делать?

— Ждите меня.

Тим не ждал ничего хорошего от поездки Рика в лабораторию. На всякий случай он отыскал Джейн на ее факультете и нашел в ее мобильнике номер дядино телефона. Затем он устроился у окна в здании напротив своей лаборатории и стал наблюдать. Мрачные мысли стремительно сменяли одна другую. Он уже почти не сомневался, что их обоих арестуют. Спустя минуту Тим решил отогнать машину в паркинг подальше, потратил на это еще минут пять и вернулся к своему наблюдательному пункту. Рик приехал неожиданно быстро, небрежно припарковал машину у самого входа и вбежал в лабораторию. «Представляю, насколько он превышал дозволенную скорость», — подумал Тим. Минут пять у входа ничего не происходило. Затем Рик в наручниках и двое полицейских по бокам вышли из лаборатории, уселись в одну из полицейских машин, и она уехала, воя сиреной и мигая синими огнями. Для Тима это уже не было неожиданностью. Он задумчиво направился к своей машине. Уже почти дойдя до нее, он остановился, достал мобильник и позвонил секретарше лаборатории.

— Ты не видела Рика сегодня? — преувеличенно бодро заговорил он. — Не могу до него дозвониться. Он еще не приехал?

— Ой, тут такой ужас. С утра приехали полицейские с обыском и нашли наркотики в его кабинете. Его арестовали при мне.

— Действительно, какой ужас! А у меня проблемы с машиной, я не могу приехать, — посетовал Тим.

Затем, решив не вовлекать в дело новых фигурантов, Тим снова пошел к Джейн.

— Ты мне позарез нужна, красотка. Ты ведь хочешь спасти меня от крупных неприятностей?

— А что за неприятности?

— Разве ты не знаешь, при каких обстоятельствах мужчины охотно рассказывают о своих неприятностях? — заметил Тим.

Джейн покраснела и не ответила ничего.

— Тогда пока садись в свой автомобиль и поезжай за мной.

Они приехали в мастерскую Марка.

— Моя машина что-то забарахлила, Марк. Я тебе оставляю ее на день-другой, будет время — посмотри, — сказал ему Тим и, даже не дождавшись ответа Марка, мгновенно сел в машину Джейн.

— Теперь мне надо заехать домой и в пункт проката машин Бюджет, — сказал он.

Они подъехали к его дому и поднялись в снимаемую им квартиру. Тим сгреб чековую книжку, кредитные карточки, наличные, американский и российский паспорта. Затем стал переодеваться в свой выходной костюм и поймал улыбку Джейн...

— Теперь поедem в пункт проката, мне нужно что-то взять взамен своей развалюхи, — сказал Тим минут через двадцать, когда они снова оказались в машине Джейн. — Дай-ка мне еще раз твой телефон.

Он позвонил дяде Рика.

— С вами говорит тот ассистент вашего племянника, о котором он вчера упоминал. Дело в том, что профессор Андерсен сегодня арестован. Могу ли я приехать к вам один?

— Можете, — ответил после короткой паузы дядя. — А вы знаете, куда ехать?

— Нет.

— Встретимся в чайной в городке Ту-Харборс. Найдете?

— Двухэтажная такая, с магазином сувениров на первом этаже?

- Да. Часам к трем успеете?
- Успею. А как я вас узнаю?
- Не волнуйтесь, я вас узнаю.

ВО ВТОРНИК ВЕЧЕРОМ

Дорога до Ту-Харборс временами шла вдоль берега озера. Обычно Тим здесь останавливался, чтобы отдохнуть и полюбоваться прекрасными видами. Сегодня из-за внутреннего напряжения Тим не только не видел озера и его берегов, но даже не обращал внимания на дорогу.

Войдя в деревянный домик чайной, Тим увидел только пожилую пару, сидящую за столиком у окна, однако через некоторое время заметил одиноко сидящего в углу человека, похожего на фермера. «Вряд ли это дядя Рика», — подумал Тим. В это время фермер встал, направился к Тиму и без всякой улыбки спросил:

— Не устали с дороги, Тим? Я не запомнил вашей фамилии.

Прямая спина и поджатые губы с первого взгляда сообщали, что это человек с твердым характером.

— Здравствуйте. Моя фамилия Костомаров.

— Зовите меня Джеймс. Я, как вы понимаете, дядя Рика, — протягивая руку, произнес «фермер». — Чаю-то не хотите выпить?.

— После длинной дороги я бы выпил чашку чая, — сказал Тим, — а вы хотите чай?

— Нет, спасибо, я уже выпил свой кофе, — ответил Джеймс и вернулся за столик.

Тим отметил, что выбор стола не был случайным. Ближайшие столики были далеко, и если бы появились новые посетители, они все равно не могли бы услышать их разговор.

— Спасибо, что согласились поговорить со мной. Я должен представиться, — начал Тим, сев за столик Джеймса. — Я — русский, защитил здесь диссертацию и уже много лет работаю вместе с Риком. Пару недель назад Рик и я обнаружили в наших машинах следящие устройства-маячки. Мы не могли понять, кто бы мог следить за нами, и Рик решил послать пакетик с маячком своей родственнице в Орегоне наземной почтой, попросив ее вернуть его той же почтой обратно. Он предполагал, что если кто-то заинтересуется его поездкой в Орегон, то это обнаружит того, кто за ним следит.

— А, он послал пакет простофиле Лесли, — впервые улыбнулся Джеймс. — Зря. Его отец любил повторять: «Никаких дел с дураками».

— Как Рик и просил, она выслала пакет обратно наземной почтой, но через пару дней к ней пришел какой-то человек с вопросами о ее недавних почтовых отправлениях, а позавчера Лесли арестовали за наркотики.

— Лесли и наркотики? Быть не может, — резко прервал Тима Джеймс.

— Рик тоже считает это абсурдом. Однако сегодня утром самого Рика арестовали в его офисе, и тоже за наркотики. Ехать же к вам мы решили из-за созревших к вчерашнему дню подозрений. Не так давно мы получили работу от одной компании с названием «Архимед лимитед». Работа, которую мы выполнили, относилась к распространению информации в довольно сложной системе. Нужно было включить эффект контринформации и учесть новейшие системы и технологии, используемые в ее распространении. Необычным было требование компании выполнять работу на их компьютерах и дисках, которые они потом забрали. Вчера мы стали подозревать эту компанию, попытались наводить справки, и выяснилось, что там, где зарегистрирована компания, находится только пустой участок. Как можно что-нибудь узнать о такой компании?

— Распространение информации, — вместо ответа промямлил Джеймс и, повысив голос, предложил: — Давайте поговорим о мировых событиях последних лет.

Тим в ответ меланхолично кивнул головой и подумал: «Очень актуально. По-хоже, он выжил из ума, и я зря трачу время».

— Я еще не совсем из ума выжил, чтобы попусту тратить ваше время в такой день, — как бы прочитав его мысли, произнес Джеймс. — Если вы поймете, как развивались события с участием толпы в последние пять-десять лет, вы скорее поймете и мотивы ваших заказчиков. Вспомните Тунис, Египет и Ливию. Возможно, вы лучше, чем я, знакомы с событиями в Грузии и на Украине. Последовательность событий одна и та же. Сначала развивается недоверие к правительству. Причин для этого существует много, но самая раздражающая и понятная массам — коррупция. Если после этого толпы людей оказываются на улице, правительство стоит перед выбором: разгон толпы или отставка. В коррумпированных режимах люди власти не доверяют друг другу и боятся брать на себя ответственность за силовое решение.

— В список коррумпированных стран можно добавить царскую Россию, — пробормотал Тим.

— В прошлом, до эры Интернета и мобильных телефонов, достичь такого быстрого и координированного движения масс было трудно. Можете мне не верить, но одним из первых теоретиков заранее спроектированных смен правительств был ваш Ленин. Его изучали не только в Советском Союзе, но и у нас, — улыбаясь, закончил Джеймс.

— Уж не думаете же вы, что Рик и я работали над проблемой смены правительств? — изумился Тим, резко откинувшись на спинку стула.

— Молодой человек, не следует быть ни наивным, ни таким эмоциональным. Как только вас захлестнули эмоции — вы проиграли, — неприятно усмехнувшись, но не отвечая прямо на вопрос, заметил Джеймс.

— Предположим, что мы, не зная того, сотрудничали с какой-то организацией, которая имеет отношение к таким переворотам. Однако все работы закончены пару месяцев назад. Почему мы остаемся под этой непонятной слежкой? — не успокаивался Тим.

— Понимаете, вы и Рик можете быть источником информации, которая сорвет все дело. Как только событие, назовем его «событие X», случится, никакая информация от вас уже не вызовет опасности его срыва. К сожалению, вы обнаружили слежку раньше события, и те, кто следят за вами, узнали о вашем открытии. Это было бы еще полбеда, но, начав искать их, вы не оставили им выбора. Вас надо было изолировать до «события X»

— Только изолировать?

— Профессионалы редко делают лишнюю работу, — опять усмехнулся Джеймс..

«Лучше бы мы ничего не знали, — подумал Тим. — В Миннеаполисе оставаться нельзя».

— Не думайте, что за всем этим всегда стоит ЦРУ, — продолжал Джеймс. — Конечно, организаций, разрабатывающих «события X», очень мало, а деньги им платят те, кто заинтересован в «событии X», но необязательно ЦРУ. Кто это может быть? В современном мире это могут быть принцы и короли стран — экспортеров нефти, богатая олигархия внутри той страны, где произойдет «событие X», да и в нашей стране не все святые. В вашем случае чем меньше вы знаете, тем лучше для вас. Думаю, что я не сказал вам ничего нового.

— Если события большого масштаба и жизнь обыкновенных людей пересекаются, то жертва — это обыкновенный человек, — подавленно прокомментировал Тим.

— Ну, не надо так мрачно. Рика, конечно, выпустят, но он надолго будет занят делом с наркотиками. Не беспокойтесь и не суетитесь, — с какой-то брезгливой интонацией продолжал Джеймс. — Я позвоню его жене и предложу помощь моего друга-адвоката. Лучше него никто не справится. Что же до вас лично, подумайте, что за «событие X» в вашем случае. В вашей ситуации важно избежать лишних действий, потому что вы не знаете, какие действия могут оказаться провокационными, и мой совет — исчезнуть до того времени, когда «событие X» произойдет.

«Если бы я знал, что это за событие», — подумал Тим и стал нервно теребить пакетик из-под чая. Джеймс сделал паузу, видимо, пережидая, пока пара туристов пройдет мимо столика за спиной Тима.

— Вас, конечно, будут искать. Не пользуйтесь кредиткой. Не вздумайте лететь куда-нибудь через аэропорт Миннеаполиса. Потеряйте свой мобильник. Если хотите, оставьте его мне. Не открывайтесь с друзьями. Вы — американский гражданин?

— Да, Тим Костомаров — американец.

— Тим — нерусское имя. А у вас сохранился русский паспорт?

— В русском паспорте я — Тимофей.

— Это хорошо. Подумайте об этом, не забывая, что велика вероятность, что вас обнаружат, где бы вы ни находились. Тогда все зависит от случая. Если по не зависящим от вас причинам вы окажетесь в неправильном месте или ваши действия и контакты вызовут подозрения, то, скорее всего, успех «события X» будет для его организаторов важнее, чем ваше существование. Вы, надеюсь, поняли меня.

В течение нескольких минут Джеймс молчал, прикусив нижнюю губу, затем произнес как бы в воздух: «Закрытие темы». Тим протянул ему свой мобильник. Еще минуту он внимательно рассматривал лицо Тима. Затем раскрыл его мобильник, вытащил из него батарейку и положил ее в один карман, а мобильник в другой. Глядя на это, Тим вдруг вспомнил, как его отец в Петербурге в девяностых годах каждый вечер вынимал аккумулятор из своей припаркованной под окнами «лады» и относил в квартиру, чтобы машину не угнали. Джеймс встал, протянул на прощание руку и вышел из кафе. В окне одной из припаркованных у кафе машин появилась то ли собачья, то ли волчья морда. Джеймс направился к ней.

«А мне-то куда ехать?» — подумал Тим. Тим заказал еще чаю и пирожное, вышел из кафе с намерением посидеть на берегу озера и огляделся. Часть шоссе, пересекавшая городок, была превращена в торговую улицу. Сделанное на каком-то дешевом суррогате масла, пирожное оставило неприятный вкус во рту. Тим нашел рыбный магазин, купил свежей форели горячего копчения, выловленной в этом озере. В другом магазине купил бутылку ирландского эля. От этой улицы до берега было недалеко, и он сел в машину. Доехав до берега, Тим не стал выходить из машины.

Совет Джеймса можно было понимать двояко. Человек флегматичный мог бы понять, что рыпаться бесполезно, а если не делать резких движений, то, может быть, как-нибудь обойдется, в противном случае риск велик. Тим не был флегматиком, а вопрос Джеймса о русском паспорте он воспринял как однозначный совет уехать на время из Соединенных Штатов. Надо было обдумать технические детали отъезда.

Прежде всего деньги. Больших сбережений ассистент профессора тридцати девяти лет не имел, и, снимая деньги в банке, он каждый раз обнаруживал свое местонахождение. Он посмотрел на часы: «Без двадцати пять. Я еще могу успеть в отделение моего банка „Веллс фарго“, которое я только что видел». Не доев рыбу, он рванул в банк и забрал тысячу восемьсот долларов наличными — почти все, что было у него на счете. «Если будут искать, пусть думают, что я еду в Кана-

ду, до Канады около ста двадцати миль, два часа езды», — усмехнулся он, используя в последний раз свою кредитную карточку на местной автозаправке. Затем развернулся и поехал в противоположную сторону, пересек Дулус и углубился в Висконсин.

Темнело, и Тим стал думать о ночлеге. Спать в машине — и неудобно, и подозрительно. «Господи, я же теперь могу представить себя русским туристом и платить наличными. В каком-нибудь захудалом деревенском мотеле хозяева не обратят внимания на отсутствие въездной визы в моем русском паспорте», — сообразил он. Тим свернул с шоссе на проселок и доехал до какого-то мотеля.

— Сбился с дороги. Темно, а понять команды навигационной системы — английского не хватает. Номер на ночь найдется? — нарочито медленно и с ошибками произнес Тим, протягивая свой русский паспорт дежурному, в роли которого в таких местах бывал обычно хозяин или кто-то из его домочадцев.

— Ваш английский много лучше моего русского, — ответил тот зазубренной дежурной фразой и протянул Тиму ключ. — Вторая комната, вход снаружи, кофе будет в шесть тридцать утра.

Припарковав машину у самого окна номера, Тим оказался в чистой и даже уютной комнате.

В СРЕДУ УТРОМ

Тим заснул как убитый. Он проснулся засветло от грохота разогреваемого мотора грузовика. Пару секунд даже не мог понять, где находится. Тим поднял штору. Роса на траве под окном играла в лучах взошедшего солнца, и птичий гомон усиливал радостное настроение.

— Однако надо скрытно выбираться в Россию, — сказал Тим сам себе вслух, осадив это настроение.

Душ в номере был убогий, полотенце — застиранное до дыр. Тим оделся, выпил неожиданно хороший кофе и, прощаясь с хозяином, выслушал его указания о возвращении на шоссе.

— А что там у вас с Украиной? — спросил вдруг хозяин на прощание. — Мы смотрим телевизор, но не очень верим ему после Ирака.

— Наш телевизор не лучше вашего, — уклончиво ответил Тим и направился к машине.

Надо было ехать в Чикаго, где было полно русских иммигрантов и русскоязычных агентств для них. В Чикаго купить билет за наличные по русскому паспорту не должно быть проблемой. Остановившись по дороге в кафе «Старбакс» с бесплатным Интернетом, Тим увидел цены на билеты из Чикаго в любой русский город на ближайшие день-два. Получалось, что после покупки билета от его денег почти ничего не останется. Правда, русская привычка давать друзьям в долг под честное слово должна была воздать ему. Дело в том, что год назад он одолжил двадцать тысяч отцу своего одноклассника, теперь — американскому пенсионеру, решившему на старости лет перебраться на Гавайи. Тому не хватало наличных на покупку дома, а вынимая недостающее из пенсионных денег в год покупки, он должен был бы платить двадцатипятипроцентный налог, в то время как в последующие годы он мог снимать пенсионные деньги, не платя никакого налога. Помогли друзья сына.

Итак, вырвав листок из записной книжки, где был записан адрес новоявленного гавайца, Тим написал: «Дорогой Борис Аронович, я переезжаю, по-видимому, в Канаду. Своего нового адреса еще не знаю. Прошу вас пересылать деньги в обе-

щанном размере в Москву моей сестре через „Вестерн юнион“, приписывая ДЛЯ ТИМОФЕЯ». Затем он посмотрел в навигаторе дорогу до ближайшей почты и отправил письмо.

Тим, вопреки внешности довольно легкомысленного малого, всё и всегда обдумывал заранее. Сейчас ему пришло в голову, что надо подумать об устройстве на работу вне Штатов. Профессионалы во всем мире устраиваются, главным образом, по знакомству. В России профессиональных знакомых у Тима почти не осталось. Сверстники разъехались, а со своими профессорами, один из которых заведовал кафедрой уже более пятидесяти лет, Тим не поддерживал контактов. Он решил, что было бы неплохо встретиться с Гансом Вагнером, который был профессором небольшого университета вблизи Чикаго и привлекался как консультант во время их работы с «Архимед лимитед». Когда они получили техническое задание, стало ясно, что для его выполнения нужна консультация эксперта по социальной психологии, знакомого с попытками внедрения математических методов в эту науку. Рик в университете рекомендовали связаться с Вагнером. «Он иммигрировал сразу после разрушения Берлинской стены. Говорят, у себя в ГДР он был слишком обласкан властями, чтобы не бояться мести. Однако, он, несомненно, эксперт». Для переговоров Рик отправил на встречу с Вагнером Тима, напутствуя его словами:

— Вы и в математике шире образованны, чем я, и, кроме того, легче сойдетесь с ним как два иммигранта из стран побежденного социализма.

«С Вагнером нужно поговорить по приезде в Чикаго, но прежде всего билет», — думал Тим. Привычнее всего было искать русское агентство по Интернету. Однако как только вы подключаете свой компьютер к Интернету — вы сразу на виду, и обнаружить вас — дело несложное. Когда все в одной сети, никакой надежной защиты ни от хакеров, ни от властей быть не может. Сколько антивирусов ни пиши — они, подобно зениткам, не устраняют угрозу, а лишь снижают ее. Оставался простой способ — найти в автомобильном навигаторе магазин из русской иммигрантской системы «Европейские деликатесы», а дальше, как говорили, язык до Киева доведет.

Навигатор довел Тима до русского магазина к полудню. Там ему указали дорогу к нужному агентству. Услужливая полная дама с южнорусским акцентом в маленькой конторке довольно быстро нашла билеты на рейсы с пересадками в Европе на тот же вечер, но, узнав, что у него нет транзитной визы, загрузила. Ближайшая возможность — это улететь завтрашним прямым рейсом Аэрофлота. На том и порешили. Еще через полчаса Тим вышел с билетом и почти пустым кошельком. Надо было как-то убить чуть ли не сутки. Он решил заехать в университет к Вагнеру, и заехать без предупреждения. «Конечно, я поступаю не по-американски, но он говорил, что обычно засиживается в кабинете допоздна. Не застану, так просто погуляю. Кроме того, надо рассказать ему о подозрениях, связанных с этим проклятым контрактом».

В СРЕДУ ВЕЧЕРОМ

Профессор Вагнер был шуплым блондином среднего роста. При их знакомстве почти полгода назад он встретил Тима с натянутой улыбкой. Поначалу разговор не клеился. Тим не мог задавать конкретных вопросов, поскольку исходная информация от «Архимед лимитед» была не вполне конкретна.

— В сущности, все типы обществ чем-то схожи. Индивидуумы в них могут быть разделены на два класса: производители и регуляторы. Собственники-произ-

водители и пролетарии составляют скорее два подкласса того же класса, — после очередной минутной паузы заявил Ганс.

— Как французское третье сословие? — перебил его Тим.

— Если хотите. Теория классово́й борьбы Гизо...

— Какого еще Гизо? Разве не Маркса? — снова перебил Тим.

— Был такой известный политик и ученый во Франции в начале девятнадцатого века. Маркса же, при всех его аналитических способностях, уместнее считать очередным пророком вроде апостола Павла. И тот и другой вещали людям о конце света, только Маркс называл эту блаженную стагнацию коммунизмом. Он, в сущности, делал свои выводы на основе истории одной цивилизации, не удосужившись даже сравнить общие моменты деградации двух величайших империй одного периода — Китайской и Римской...

— Однако каково ваше мнение о применимости теории Вито Вольтерра к современным проблемам, — опять прервал профессора Тим, недовольный слишком далекими, по его мнению, историческими экскурсами.

— В этой столетней давности теории взаимодействуют несмешивающиеся популяции хищников и жертв, и жертвы никогда не используют те же ресурсы, что и хищники. Поэтому теория Вольтерра хорошо описывает взаимовлияние популяций кроликов и лисиц, но в человеческом обществе, — с длинным вздохом отвечал Вагнер, — все не так просто. И ресурсы общие, и какое-то смешивание происходит даже при самых жестких кастовых ограничениях. Регуляторы меняют свой состав, и в последнее время — динамично меняют. Вспомним Германию за последний век. До нашего поражения в Первой мировой войне регуляторами были, главным образом, дворяне. Затем их вытеснили капиталисты. На короткое время — чиновники из нацистов. Теперь капиталисты там все больше вытесняются наднациональным чиновничеством, а здесь — новым классом управляющих корпорациями. Наивные люди считают их капиталистами, но эти управляющие распоряжаются чужим, как делали чиновники социалистических правительств. Предсказанная здешней знаменитостью Гэлбрайтом с полвека назад конвергенция социальных систем пошла не так, как он предполагал, и случилось это, главным образом, из-за непредвиденного прогресса информационных технологий. Люди же при этом остались такими же глупыми и доверчивыми, как и тысячелетия назад. Короче, я полагаю, вы не сможете найти вполне пригодной теории. Классиков, конечно, надо знать, но вам придется что-то разработать самому.

— Но какие-то общие неразработанные идеи у вас имеются? — спросил Тим, улыбаясь неизвестно чему.

Вагнер расхохотался. Дальнейший разговор продолжался тогда часа два в офисе и потом еще час в пивной. Они расстались друзьями. Хотя большого участия в проекте Ганс не принимал, и Тим его больше не видел, он почему-то доверял Вагнеру.

Направляясь к Вагнеру в эту среду, Тим заранее подбирал слова, в которых собирался информировать его о слежке. Слежка, слежка, всеобщая слежка. Он вдруг вспомнил свое недавнее потрясение на приеме у врача. В прошлом году Тим захватил тяжелый грипп, обычный горячий чай с малиной и коньяком не помог, просто отлеживаться было недосуг, и он пошел к врачу. Врач, выписав антибиотик, полез в компьютер и через минуту изумленно спросил:

— Так что, мистер Костомаров, за пятнадцать лет вам ни в Массачусетсе, ни в Миннесоте никогда не выписывали лекарств?

«Боже мой, — испуганно подумал тогда Тим, — даже такие мелочи о моей жизни доступны черт знает кому. Нет, у моих предков при коммунистах было больше личной свободы. Мы же здесь — как упитанный скот в большом вольтере».

Правда, когда он поделился этой мыслью в телефонном разговоре с отцом, тот не согласился.

— Дело здесь скорее в технических возможностях. Если бы коммунисты досидели до Интернета и современных серверов, у нас было бы почти то же.

— Почему почти?

— При коммунистах люди всегда старались платить не через кассу, — ответил отец.

Сегодня Тиму повезло. Он нашел Ганса Вагнера в его кабинете. Ганс, читавший какую-то книгу, раздраженно повернулся на звук открывающейся в поздний час двери, но выражение его лица мгновенно сменилось улыбкой удивления.

— Вот так сюрприз! Чем обязан?

— Поверите ли, если скажу, что просто хотел увидеть вас?

— Не хочу обидеть гостя ответом.

— Правильно. Ганс, я хотел бы сегодня вечером выпить с вами пива в том же месте, где мы были в день нашего знакомства, — сказал Тим, так многозначительно глядя на Ганса, что тот молча встал и стал суетливо собирать портфель.

Тим прервал это занятие излишне громко сказанными словами:

— Да оставьте портфель и телефон здесь, чтоб нам в пивной никто не мешал, мы еще вернемся.

Когда удивленный Ганс вышел вслед за Тимом на улицу, тот с ходу вкратце изложил историю с обнаружением маячков и арестом Рика.

— Я хотел вас предупредить, но боялся, что ваш телефон прослушивается, и поэтому вытащил вас на улицу. Так мы пойдем в пивную? — завершил свое сообщение Тим.

— Конечно, почему бы нет? — спокойно ответил Ганс и после минутного молчания добавил: — Прослушивание телефона — это мне так знакомо. Взлет и падение моей немецкой карьеры произошли вследствие этого.

— И даже взлет?

— Да, но не думайте, что я что-то важное подслушал. Дело было совсем иначе. Еще доцентом я написал отрицательный отзыв на работу одного аспиранта нашего декана. Как-то вечером в начале лета, вскоре после того, как я написал этот отзыв, подвыпивший декан позвонил в мой кабинет и в грубоватой манере потребовал переписать его. Я вспылил, наговорил сгоряча много резкого об этом аспиранте и ожидал мести декана после возвращения с летних каникул. Когда в последний день отпуска меня вызвали к следователю Государственной безопасности, я думал об этой мести и не был особенно удивлен, услышав запись того телефонного разговора. Мы знали, что телефонные разговоры в ГДР часто прослушивались. Удивил меня вопрос «С кем вы говорили?», и только тогда я обратил внимание, что в этой довольно плохого качества записи я ни разу не назвал своего декана по имени. Я еще не знал, в чем причина вызова, и стал судорожно соображать, что когда имеешь дело с секретными службами или с профессиональными преступниками, ты, во-первых, не знаешь, какой информацией о тебе они владеют, во-вторых, не знаешь, лгут ли они, поскольку для них это безнаказанно, а в-третьих, не можешь послать их к черту. «Да с моим деканом», — ответил я. «Вы правильно охарактеризовали его подопечного. Он недавно сбежал на Запад. Однако почему его защитник звонил вам из телефона-автомата?» — «Мало ли что человеку вздумается спянуть!» — «А он, прослушивая запись, уверял нас, что не узнает голоса говорящего». — «Может, забыл, что делал пьяным. И так бывает». — «Но записка секретарше с распоряжением попридержать ваш отзыв подписана следующим днем». Я прекратил пререкания и был отпущен под расписку о неразглашении. Через два месяца декана освободили от должности, а меня назначили исполняющим обязанности декана, что необычно для человека без профессорского звания.

Профессором я стал через три года. А за мной укрепилась репутация человека коммунистов.

— А падение? — спросил Тим, когда они уже уселись за стойку в пивной.

— Беглый аспирант стал крупной фигурой в Министерстве образования объединенной Германии. Я не стал ждать мести. А вы бы стали?

— Архивы Госбезопасности были рассекречены, и вы могли бы оправдаться, — вместо ответа заметил Тим.

— Не пойму, с чего это разные либералы так верят спецслужбам? — ухмыльнулся Ганс. — Там ведь тоже не святые служат, и бог знает что у них там в архивах лежит. Закажем еще пива.

Они заказали еще по кружке.

— Я не приглашаю вас переночевать у меня, потому, — Ганс сделал паузу, давая понять, что придумывает повод, — потому что моя жена нянчится с внуками в Германии. У них каникулы и тому подобные радости, а у меня дома — грязь и бардак.

— Общепринято считать, что немцы аккуратны.

— Немки. Я сниму вам номер в мотеле, и мы там разопьем еще по бутылочке на прощание.

— Ну зачем же вы будете...

— Не надо говорить о мелочах, когда перед вами проблемы мирового масштаба.

Вагнер быстро снял номер. Они вошли, наполнили пивом бумажные стаканчики, сложенные у кофеварки, и уселись на стульях.

— Значит, «Архимед лимитед», — прервал молчание Вагнер. — Информационные технологии. Нет, дело тут не в технологии.

— Что же вы подозреваете, Ганс?

— Вам ведь давали какую-то тест-проблему?

— Да, она касалась кризисной ситуации в необозначенной стране. Там были какие-то города кси и пси, бюджеты В1, В2 и так далее. Параметры варьировались во много раз.

— Чтобы вы не заподозрили, какой пример интересен заказчику, не так ли?

— Может быть. Там были ситуации и с переворотом в центре, и с потерей контроля над частью периферии.

— Если бы вы могли догадаться по каким-то специфическим параметрам проблемы о том, в какой стране моделировался кризис, я не говорю заговор или переворот, вы бы знали, где вам ни в коем случае нельзя появиться, — сухо заметил Ганс.

Это высказывание напомнило Тиму недавние рассуждения Джеймса, и он усмехнулся. Они молча цедили пиво. Спустя минуту Ганс спросил:

— А может ли, Тим, какая-нибудь математическая теория объяснить, почему отрезать Абхазию от Грузии было можно, а Крым от Украины — нельзя? Почему Югославию и Судан можно было кромсать на части, а Сирию и Ирак — нельзя?

— Если искать, кому что выгодно, то, например, события на Украине должны показать Европе, что Россия не надежна как основной поставщик газа, и поэтому для страховки нужно закупать какую-то часть более дорогого сжиженного газа, с которым сегодня Соединенные Штаты выходят на мировой рынок. То есть это выгодно американскому газовому бизнесу, — заметил Тим, — а американская полиция обычно начинает расследования с выяснения, кому может быть выгодно происшествие.

— Не упрощайте ситуацию, Тим. Одному бизнесу раскрутить такое не под силу. Смотрите, в борьбе с угольной промышленностью нефтегазовая подключила и не вполне чистоплотных ученых, и прессу, и необразованных политиков. Говоря же о вашей Украине, надо прежде всего помнить о том, что для Европы

топливная зависимость от России была не опасна, пока та и не думала о самостоятельной внешней политике. Теперь это не так, но никакая демократия не может убедить народ в Европе серьезно раскошелиться, если угроза еще только нависает. Народ крепок задним умом, и его надо обхитрить, пусть даже за счет какой-нибудь Украины.

После нескольких афоризмов уже слегка захмелевший профессор углубился в дипломатическую историю двадцатого века. Тим с внимательным видом слушал его, но думал о своем. Когда через добрых часа полтора они прощались у выхода из мотеля, Тим спросил:

— Ганс, я могу просить ваших рекомендаций, если буду искать работу в Европе или Канаде?

— Разумеется. Тим.

Прощался Тим с ощущением, что, несмотря на все угрозы, он вернется сюда. Ведь здесь не какая-нибудь гражданская война, а неприятности, как предсказывал многоопытный Джеймс, должны затухнуть. «А долги плати исправно, жизнь не так уж коротка, занимать еще придется из чужого кошелька», — вспомнил он совет Гейне, принимая душ перед сном. Поэтому надо непременно заплатить за квартиру в Миннеаполисе, выплатить по кредиткам и так далее. Однако сделает он это только после приземления в Москве. «Там все-таки безопасней. Наверное», — подумал Тим, отправляясь спать.

В САМОЛЕТЕ ЧИКАГО—МОСКВА

Быстро заснув, Тим внезапно проснулся среди ночи от дурацкого сна: Сосед Рика Бред застаёт его с Джейн, арестовывает и отводит их к судье, заявляя, что они вместе с «Архимед лимитед» собирались свергать правительство Афганистана в те годы, когда Бред там служил, и дядя Джеймс — тому свидетель. «Чушь какая-то, и при чем тут Афганистан», — подумал он, но вдруг вспомнил один разговор у Рика в гостях. На вопрос Тима: «Чего ради мы торчим еще в Афганистане, когда бен-Ладен уже убит?» — ветеран Афганистана Бред ответил: «Там очень много редкоземельных элементов, добычу которых теперь монополизировал Китай. Афганистан мог бы стать более управляемой альтернативой, проблема в стабильном режиме». Где же проблема в режиме для «Архимед лимитед»?

После этого Тим уже не мог заснуть. Ничего тревожного не случилось, но пружина его выдержки натянулась до предела. Тягучее утро четверга казалось бесконечным. Из осторожности он оставил машину на площадке в пункте проката, расположенном далеко от аэропорта, и опустил ключи в специальный ящик для сдающих машины в нерабочее время. Тим был даже рад, что убил затем время в городском автобусе по дороге в аэропорт. Данные его русского паспорта не должны быть известны никому в Америке, но он все равно был внутренне напряжен, и даже сотрудница Аэрофлота во время посадки отметила это.

— Да, места себе не нахожу, мать заболела, а что с ней — толком не говорят, — соврал Тим.

Сев в самолет, Тим не позволил себе расслабиться и стал внимательно разглядывать соседей. Справа симпатичная блондинка с французским акцентом о чем-то попросила американского парня, сидевшего с ней рядом. «Парень, пожалуй, простоват. А женщина — француженка», — охарактеризовал их Тим. Слева пожилая русская пара тихо разговаривала о каком-то Сереже, но Тиму было слышно, как они сетовали на отсутствие у Сережи семьи. «Наверно, летят домой из гостей.

Пока все в порядке», — успокаивал себя Тим. Принесли напитки, и Тим по-русски попросил апельсиновый сок. «Француженка» попросила воды на чистом русском, а ее сосед заказал колу со льдом. Слегка удивленный Тим стал разглядывать соседку и заметил, что женщина довольно красива. Особенно хороши были внимательные серые глаза. «Она не просто хороша, но, по-видимому, еще и с головой», — отметил Тим. Ему всегда нравились умные светлоглазые девушки, а шуточки о пустоголовых блондинках, широко распространенные под немалым влиянием образа Мэрилин Монро, он не воспринимал. Когда самолет перелетел океан, Тим почувствовал, что внутренняя пружина слегка ослабла. Заметив, что соседка оторвала взгляд от книги, Тим спросил:

— Извините, вы не знаете, сколько времени нужно, чтобы добраться от аэропорта до Казанского вокзала?

— На такси?

— Например.

— Зависит от пробок, но часа, наверное, хватит, — с улыбкой ответила соседка, разглядывая Тима. — Вы не москвич?

— Нет, а вы живете в Москве? — спросил Тим.

— Жила. Я уже пятнадцать лет живу в Париже. Сейчас еду навестить маму в Москве, а в Чикаго была у тетки, ее сестры.

— То-то я отметил ваш французский акцент, когда вы говорили с вашим соседом, — ответил Тим и тоже улыбнулся.

— А вы живете в Америке? — спросила соседка.

— Нет, в Петербурге, — ответил после короткого замешательства Тим.

— О, это как маленький Париж.

— Не такой уж и маленький, — возразил Тим.

В течение часа они продолжали с удовольствием говорить ни о чем. Тиму все больше нравилась соседка, и напряжение последних дней заметно ослабло.

— Как вас зовут, а то мы уже хорошо знакомы, но имен друг друга не знаем? — спросил Тим.

— Маша, — ответила соседка.

— А меня Тимофей.

— А что вас привело в Америку?

— Ездил в университет, с которым у нас совместная работа.

— В какой области? — поинтересовалась Маша.

— Статистические методы анализа.

— Анализа чего?

— Математику это часто не важно. Правильно было бы ответить, что всего, — отшутился Тим.

— У нас был знакомый математик, пытавшийся приложить статистический анализ к своей игре на бирже. Он не преуспел и объяснял, что математика не может предсказать большие потрясения в обществе, например финансовые кризисы. Ни предсказать, ни сказать, что делать, чтобы их избежать. Не так ли? — спросила Маша.

— Понимаете, процессы, которые включают человеческие эмоции, мы описать не можем, — ответил Тим. — Просуммировав всех и найдя, как говорят, среднюю температуру по больнице, мы увидим, что общим останется желание иметь деньги и страх потерять их. Кроме того, движение денег сложнее, чем, например, движение воды в водопроводе, где вода всегда остается водой, и математика такое хорошо описывает. Здесь проблема еще в том, что деньги тоже не что-то застывшее, они все время теряют свою силу.

— Вы говорите об инфляции?

— В конечном счете да. Причины инфляции давно известны: много людей получают зарплату, а товар не выпускают. Денег становится больше, чем товаров, то есть их способность быть обмененными на товар уменьшается.

— И как же с кризисами?

— Деньги распределяются неравномерно не только между людьми, но и между отраслями. И когда они сильно текут в какую-то часть экономики в ожидании дивидендов, то следует ждать обвала, если инвесторы переходят какую-то грань. Особенно плохо, когда это охватывает все население. Так было в Америке перед кризисом 2008 года, когда все старались купить недвижимость, а она росла в цене. Впрочем, не столько дома покупали, сколько занимали под них деньги в банках. Кто же спекулирует на свои? — усмехнулся Тим.

— Да, у моей тетки цена дома упала на тридцать процентов. А вы работали с экономическими проблемами?

Тим чуть не поперхнулся водой, которую он пил, но затем подумал: «Нельзя все время ждать неприятностей. Это глупо. Она задала обычный вопрос».

— Нет, — кратко ответил он и сменил тему беседы: — А где вы живете в Париже?

Дальше разговор зашел о Маше, и Тим узнал, что пятнадцать лет назад Маша вышла замуж за французского коллегу-филолога. Через пять лет она развелась с ним и живет в крохотной квартирке на окраине Парижа. Маша, конечно, нравилась Тиму, но он совсем не поэтому расспрашивал ее о Франции и попросил номер ее французского телефона. «Еще одна точка на этой маленькой Земле, где можно будет скрыться на какое-то время. Если бы знать на какое», — невесело подумал Тим. Маша протянула ему визитную карточку с целым набором телефонных номеров, и он сунул ее в карман, не читая названия ее фирмы. После приземления Тим, попрощавшись с Машей и пожелав ей счастливого пути домой, быстро направился к паспортному контролю. Оглянувшись, чтобы помахать Маше рукой, Тим с сожалением подумал: «В другое время я бы пошел ее провожать до дома».

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

В очереди на паспортный контроль Тим подумал: «Сейчас надо позвонить сестре». Приятно улыбнувшись двум близнецам-шестилеткам, стоявшим сзади него, он попросил телефон у их матери, только что закончившей свой разговор. Звонок сестре оказался бесполезным: Выяснилось, что она с мужем и сыном отдыхала у родных в Поволжье. Он даже не стал пытаться дозвониться до немногочисленных московских знакомых в самый разгар отпусков. «Что ж, ничего не поделаешь — все время везти не может. Надо добираться до Петербурга», — решил Тим. Пересчитал деньги. Не хватало даже на билет. Повертел в руках кредитку. Конечно, если его ищут, то, наверное, предполагают, что Россия — одно из самых вероятных его убежищ. Чтобы воспользоваться кредиткой в другой стране, обычно надо предупреждать операторов кредитных карт о зарубежных поездках. Была не была, других шансов сегодня нет. Тим вернулся в терминал, нашел автомат, вставил карту и набрал шифр. Соответствующая сумма в рублях и квитанция появились без каких-либо проблем. Это даже ошарашило Тима. «Не предупредил ли кто-то оператора, чтобы потом отследить меня?» После десятисекундного размышления он рванулся без очереди к такси и скомандовал водителю:

— Казанский вокзал. Я должен успеть на ближайший поезд в Казань. Сестра, вишь, в Поволжье укатила.

Выйдя у самого вокзала, Тим обратил внимание на прилавок газетного киоска, где были газеты с одной и той же повторяющейся фотографией: толпы воз-

бужденных людей на площади. Мельком взглянув на заголовки, он понял, что волнения происходят в какой-то Аргесуэлле. «У них свои проблемы, у меня свои, но я давно не читал русских газет», — подумал Тим, купил газету и направился к Ленинградскому вокзалу. Уже подойдя к нему, Тим заметил довольно старый «мерседес», который, как ему показалось, он видел из окна такси по дороге из аэропорта. Из «мерседеса» вылез немолодой мужчина в больших темных очках. «Мало ли людей едут из аэропорта на вокзал», — успокаивал себя Тим. По природе довольно агрессивный, Тим тем не менее хорошо контролировал свое поведение. В этом когда-то помог спорт. Он был в сборной института по плаванию и умел заставлять себя делать то, что не хотелось, концентрироваться, когда было нужно, и вообще, как он говорил, «координировать себя». Тим «скоординировался» и теперь: «Купить билет, сесть в поезд и уехать в Петербург».

Оказавшись в поезде, Тим решил привести в порядок информацию о том, что произошло в последние дни и, если получится, увязать последние события с работой для «Архимеда». Снова вернувшись к разговору с Джеймсом, он понял, что означали слова «закрытие темы». По-видимому, компания не только тратит деньги на разработки, но также берет на себя отслеживание всего, что происходит с главными разработчиками от момента начала работ до завершения «события X». Им с Риком просто не повезло. Вознамерившись отвлечься от тяжелых мыслей, он раскрыл купленную газету, и вдруг его осенило: «Австралия, Аргесуэлла, Канада — поставщики сырья, цены на которое упали за последние полгода. Жаль, что все разработанные для «Архимеда» программы забрали. А то можно было бы оценить развитие событий. Меня это может касаться».

В это время мимо него прошел мужчина из «мерседеса». Он был уже без очков. Лицо его казалось абсолютно пустым, оно не выражало ни мысли, ни эмоций, ничего. Машинально отметив это, Тим насторожился и подумал: «Не поджидают ли меня у отчего дома? Заеду-ка я сначала к Лешке». Лешка был школьный приятель, очень толковый сорвиголова. Его несколько раз хотели исключить из школы за разные проделки, но учился он неплохо и был перворазрядником по лыжным гонкам. Поэтому его всякий раз прощали. Лешка был в деда. Дед семнадцатилетним парнем из блокадного Ленинграда ушел на фронт. Служил в армейской разведке, дошел до Германии, несколько раз был ранен. То, что дед рассказывал о войне, не всегда совпадало с тем, чему учили в школе. Деда взяли в армейскую разведку потому, что до войны он был хорошим лыжником, а армейская разведка — это тебе не батальонная разведка, там все были спортсмены или просто хорошо тренированные бойцы. Дед никогда не хвастался своими боевыми заслугами, зато Лешка очень гордился дедом и его орденами.

Лешка жил недалеко от Московского вокзала, и Тим решил, что пойдет пешком, наслаждаясь светлым летним петербургским вечером. Через пять минут он свернул на Лешкину улицу. Улица была довольно пустынна, и Тим, подходя к парадной, заметил только одиноко стоявшего человека на том углу, с которого она начиналась.

— Привет, не ожидал. Откуда ты свалился? — обрадовался Лешка, открывая дверь.

— Привет, Леха. Сейчас расскажу.

Лешка несколько не изменился: тощий, вечно смеющийся и очень подвижный. Они вместе учились не только в школе, но и в институте. Тим был почти на год старше, так как декабрьский Лешка пошел в школу в шесть лет.

— Подожди, я что-нибудь соображу на ужин. Есть сыр, колбаса и картошка с мясом, мать ее приготовила еще вчера. Годится? — весело спросил он, заглянув в холодильник.

— Роскошно.

Лешка быстро поставил еду на стол. Тим, последний раз поевший еще в самолете, но от нервозности долго не чувствовавший голода, молча набросился на еду. Наконец поужинав, друзья смогли поговорить о том, что было важного в их жизни. Лешка в двух словах рассказал о полном застое в институте, где он работал.

— Представляешь, средний возраст сотрудника института — шестьдесят лет. Если человек может самостоятельно добраться до работы и вернуться домой, то об уходе на пенсию он и не думает. Какие перспективы у молодежи, если большинству начальников — за семьдесят? Так не только у меня. Декан моего приятеля сетует: «Формально у меня нет повода увольнять стариков: они подписывают некрологи усопших коллег в научных журналах, и это им зачитывается как научная публикация при аттестации». — Лешка грустно усмехнулся. — С другой стороны, на одну пенсию не прожить.

— Ну, это не только в России. Пенсионер получает во всем мире столько, сколько нужно, чтобы биологически существовать. В Америке многие переезжают в меньшие дома и разницу в цене жилья тратят понемногу. А еще есть так называемая обратная ипотека, когда, живя в доме, старики его потихоньку проедают, получая платежи за него каждый месяц. Наследникам, естественно, почти ничего не остается, — ответил Тим, думая, как перейти к событиям последних дней.

— Зато раньше кое-где стариков съедали, — расхохотался Лешка. — Тимошка, помнишь дарвиновское описание Огненной Земли?

— Меня, Леха, тоже могут съесть, — многозначительно заметил Тим.

— В каком смысле?

— Почти в прямом. Был человек — и исчезнет.

— Что ты несешь?

— Я по недоразумению влип в какую-то историю, которую сам не могу понять. Ты думаешь, я случайно заявился к тебе, не уведомляя даже родителей о приезде в Россию?

— Честно говоря, не приходило в голову спросить, был ли ты дома. К тому же ты налегке, без всякого чемодана и заморских гостинцев. Что за история?

Тим почти дословно повторил историю, рассказанную Гансу Вагнеру, с добавлением комментариев Джеймса. Лешка молча выслушал Тима, затем встал, достал из буфета бутылку коньяка и стал искать рюмки. Друзья принадлежали к малопьющему поколению и поужинали, даже не выпив за встречу. Он наконец нашел рюмки и, налив обоим на доньшко, сел и стал тихо и медленно говорить, выдерживая полуминутные паузы между фразами.

— Твое русское происхождение не секрет для твоих преследователей, и найти твоих родителей и твой адрес — не фокус. Скорее всего, твое присутствие в Москве отслежено через твой банк. Вряд ли они считают, что твою кредитную карточку украли вместе с твоим кодом. Не знаю, могут ли уже следить за твоими родителями, но лучше я свяжусь с ними. Тебе лучше не ходить домой, поживи у меня, а со своими предками тебе лучше встретиться на даче у моих предков, например. Лучше даже на даче у Лены, меньше будет дурацких расспросов. Хорошо бы, конечно, узнать, что там с твоим Риком...

— Позвонить ему домой из России — навлечь лишние подозрения, — прервал наконец Лешку Тим.

— Судя по твоему рассказу, спрашивать надо дядю Джеймса.

— Я могу позвонить ему с твоего телефона?

— Не надо звонить из России. Лучше я pošлю имейл одному моему американскому коллеге и попрошу его позвонить этому Джеймсу по телефону и спросить

только то, что мы сейчас ему напишем, записать дядин ответ и переслать мне в точности, — ответил Лешка и притащил ноутбук. Похоже, свалившаяся вдруг на него конспирация ему нравилась.

— Хорошо. Пиши: «Ваш знакомый не знает, где ваш племянник Рик. Какие у него новости?» — продиктовал по-английски Тим.

— Ну, ты совсем как Лена, которая считала, что все могут догадаться, что она имеет в виду, и закатывала мне скандалы, когда я не понимал ее намеков, — с усмешкой ответил Лешка, еще не остывший после недавнего развода с Леной.

— Ладно. Исправим на «Ваш знакомый из Ту-Харборс не знает, какие новости у вашего племянника» Теперь отсылай, — приказал Тим и после короткой паузы спросил: — На дачу к бывшей жене приглашаешь — значит, устаканилось, что ли?

— Она же не полная дура, понимает, что чаду-то надо с отцом общаться.

— И часто общаешься? — спросил Тим.

— Странное дело, может быть, даже чаще, чем когда жили вместе. Ты же знаешь, домоседом я никогда не был.

Тим видел Лену несколько раз перед отъездом в Америку и один раз на конференции в Дании, когда Лешка взял ее с собой показать Европу. Тиму не нравились ее капризность и упрямство, хотя он любил смотреть, как необыкновенно грациозно она двигалась. «Прямо как лань», — говорил Лешка. «Для семейной жизни это не главное», — подумал тогда Тим.

Следующий день Тим провел в Петергофе. Лешка дал ему один из своих мобильных, и Тим мог с ним связаться в любое время. Дворец и фонтаны создавали впечатление, что красота и гармония управляют миром, и Тим вернулся в город в хорошем настроении, с мыслью, что все уладится.

— Я говорил с твоими, послезавтра они приедут в Рошино около десяти утра, — с порога сообщил Лешка.

— Отлично. Ты сказал, что я там буду?

— Конечно, нет. Ведь если за тобой следит кто-то могущественный, их телефон также может прослушиваться. Ты что, рассказы Сноудена на ус не намотал? Я просто сообщил им, что мне надо с ними встретиться по важному личному поводу, о котором я не могу рассказать по телефону, потому что надо слишком долго рассказывать, а я звоню от учителя музыки моего чада и не хочу мешать уроку. Завтра у твоей матери какая-то встреча, поэтому договорились на послезавтра.

— Ты действительно звонил от учителя?

— Да. Для конспирации, — засмеялся Лешка.

— Мне бы нужно связаться с сестрой. Деньги кончились, а ей я перевел через одного знакомого приличную сумму, правда в рассрочку, — сказал Тим и потер лоб.

— Не торопись. Я могу одолжить тебе пару тысяч долларов из денег, которые у меня остались после продажи квартиры деда, — предложил Лешка.

Тим вспомнил, как тяжело Лешка переживал смерть деда три года назад. Они тогда говорили по скайпу, и вечно веселого Лешку было просто не узнать.

— Что ж, это многое решает. Спасибо.

— Я могу подвезти тебя рано утром в Рошино на дедовой развалухе, к девяти мне надо на работу, — предложил Лешка. — Свой «ниссан» я оставил Ленке. Впрочем, если хочешь выспаться, поезжай на электричке.

— Я бы предпочел на электричке, ближе к народу. Давно в общественном транспорте не ездил, — ответил Тим.

— Хорошо, тогда я приеду примерно к трем и привезу тебя домой. Кстати, пришел ответ от моего контакта с записью разговора с Джеймсом.

— Что же ты сразу не сказал! — воскликнул Тим.

— Да ничего прямо касающегося тебя он не сообщил. Рика уже отпустили под залог с монитором на руке, так что все его передвижения прослеживаются.

— Я что-то подобное ожидал.

— Интересно другое. Его машина в ночь после ареста оставалась в университете и была взломана, но ничего из нее не пропало. Дядя сказал, что детали знакомый из Ту-Харборс узнает лично из разговора с ним.

Следующий день Тим посвятил стирке рубашек и походу в магазин, где он купил духи в подарок матери и дорогой карманный ножик отцу. Посмотрел новости в Лешкином компьютере. Ничего нового в мире не происходило. Африканские и азиатские беженцы ордами переправляются в Европу. «Набеженцы, а не беженцы», — процедил сквозь зубы Тим. Ему казалось, что такое движение масс должно быть кем-то организовано. «Скорее всего, теми, кому это выгодно. Асад вряд ли на это способен. Турция ли хочет избавиться от нагрузки? Саудовцы ли? — мысленно перебирал варианты Тим. — Однако в этих потоках нет ничего похожего на наш анализ для „Архимед лимитед“, это не связано с событием X». В Аргесуэлле народ немного успокоился, хотя какие-то протесты в Карайрасе еще продолжались. «Столица всегда более возбудима. Может быть, событие X к Аргесуэлле отношения не имеет», — решил он.

Утром первое, о чем подумал Тим, проснувшись, было, как рассказать родителям, почему он остановился у Лешки. Тиму хотелось поскорее увидеть родителей. Встреча, однако, не состоялась.

ИЗ ПЕТЕРБУРГА В ХЕЛЬСИНКИ

С утра в понедельник моросило. Сев в электричку, Тим оказался среди пожилых людей, ехавших на свои дачные участки. Электричка шла до Выборга, и народу в ней было много. Озабоченные лица, разговоры вполголоса. Тим вспомнил библейское «будете добывать свой хлеб в поте лица». Рассматривая пассажиров, он вдруг наткнулся на знакомое лицо. Лицо это казалось абсолютно пустым, оно не выражало ни мысли, ни эмоций, ничего «Да это тот человек, которого я видел на вокзале в Москве! Он все в том же светло-сером костюме. Если он живет в Петербурге и едет на дачу, то почему я встречаю его в третий раз и почему он едет на дачу в костюме? Для простого совпадения это уже слишком. Однако без паники. Решать, как отделаться от этого хвоста, надо быстро», — подумал Тим. В течение следующих минут он лихорадочно искал выход из ситуации. «Я ведь могу рвануть через финскую границу! Вряд ли этот тип готов к такому финту. Не у всех же в кармане американский паспорт. Да даже имея необходимые для пересечения границы документы, он не смог бы это сделать одновременно со мной, а непременно задержался бы. Он сидит не так уж близко, и, если я позвоню Лешке, он не услышит разговора». Тим посмотрел на часы. Было начало десятого. Тим взял Лешкин мобильник и позвонил ему на работу.

— Лешка, срочно посмотри расписание поездов на Хельсинки из Выборга. Я тебе перезвоню через пять минут, — как можно спокойнее и даже с непонятно для кого деланной улыбкой на лице сказал Тим.

— Что случилось? — встревожился Лешка.

— Потом объясню. Позвони предкам и отмени встречу. Пока, — ответил Тим.

Через пять минут Тим узнал, что поезд «Аллегро» отправляется из Выборга в Хельсинки в полдвенадцатого.

Вскоре электричка подъехала к Рошино. Пассажир с пустым лицом привстал, взял с полки свой зонт, стал медленно поворачивать голову и, встретившись взгля-

дом с Тимом, снова сел. Затем он вынул из кармана какую-то маленькую бумажку, и можно было подумать, что он читает ее.

Остановка после Рошино была в Горьковской, и большинство оставшихся пассажиры должны были там выйти. «Если он встанет, то тревога ложная. Если нет, то надо выйти в Горьковской и снова сесть в другой вагон в том случае, если он тоже выйдет. Если же он останется в вагоне, то я вернусь в Рошино пешком», — рассчитывал Тим.

Пассажир с пустым лицом все так же сидел и смотрел в никуда. Тим, глядя на него, думал: «Непонятно даже, куда он смотрит». При приближении электрички к Горьковской люди стали вставать и подходить к дверям. Когда электричка остановилась, Тим сидел, пока почти все вышли из вагона. Затем, быстро подойдя к двери, Тим обернулся и заметил, что человек встал и быстрым шагом направился к выходу. Тим выскочил на запруженную людьми платформу, сделал несколько прыжков и вскочил в предыдущий вагон. Прижавшись к стене у открытой двери, Тим внутренне взмолился: «Закрывай быстрее!». Двери захлопнулись, и он облегченно вздохнул. «Так, он отстал от поезда. Если бы их было двое, второй бы рванул стоп-кран. А пульс у меня, наверное, под двести», — оценил ситуацию Тим.

В электричке по дороге в Выборг Тим продолжал размышлять, была ли встреча с этим человеком случайной и могло ли быть, что тому нужно было выйти именно в Горьковской. О возможной слежке говорили два факта. Во-первых, казалось, он предполагал, что Тим выйдет в Рошино. Во-вторых, он сидел в Горьковской до того момента, когда встал Тим. «Как же этот тип отследил меня? Он явно намеревался выйти в Рошино. Как они узнали, куда я собираюсь? Наверное, телефоны всех Костомаровых прослушиваются. Откуда они могли их достать? Впрочем, адреса ближайших родственников я сам указал службе натурализации, когда подавал петицию на американское гражданство, и, возможно, «Архимед лимитед» знает ходы в эту службу или же хакеров нанимает. Господи, хоть фамилию меняй!» — размышлял Тим.

«Теперь нужно разобраться с билетом и паспортами. Так, въезжаю в Финляндию по американскому паспорту. Они уважают американцев. В российский паспортный контроль я должен предъявить оба паспорта, так я делал в последний приезд. В Выборге у меня около часа, нужно будет поесть перед отъездом. Но первое дело — билет», — решал Тим. Он успокоился и, сидя в почти пустом вагоне, стал планировать дальнейшие действия. От слежки он, видимо, избавился. «Пару дней в Финляндии дадут возможность что-нибудь решить, а отель или хостел много не стоят». Из окна электрички были видны красоты Карелии, которая ему иногда снилась в Америке, но Тим их не замечал. Ему никак не удавалось забыть все неприятности последней недели.

В Выборге, в зале, где продавали билеты на поезд, не было никого. Кассирша, кажется, дремала за кассой.

— Извините, мне нужен билет в Хельсинки на одиннадцать тридцать. В сидячем вагоне. Сколько он будет стоить? — излишне громко спросил Тим.

— Три тысячи восемьсот пятьдесят три рубля, — быстро ответила кассирша, и эта быстрота показалась ему подозрительной.

Через пару минут Тим с билетом в кармане вышел на площадь перед вокзалом, а еще через пятнадцать минут из магазина, где купил две рубашки. Выборг, как и другие маленькие городки вблизи столиц, казался тихим и сонным. Оставалось еще полчаса, и Тим зашел в кафе у вокзала. Он решил, что в вагон сядет за пять минут до отправления, чтобы меньше мелькать на платформе. Перед самой посадкой он позвонил Лешке, сказал, что свяжется с ним через несколько дней,

и попросил ничего не рассказывать родителям о его приезде. Лешка, казалось, понял, так как вставил не совсем уместно в разговор слово «аллегро». После разговора Тим вынул батарейку из мобильного и сел в поезд.

НА ПОРОГЕ ЕВРОПЫ

Поезд пересек границу, претензий у пограничников к Тиму не было, и его напряжение при пересечении границы спало. Однако вскоре оно снова сменилось тревогой. Тим понимал, что совершил где-то ошибку. Но где и какую? Это был не праздный вопрос. Да и куда же ехать, если ему в родной России не удалось скрыться? По-видимому, человек с пустым лицом ждал его в Москве до звонка сестре и до получения им денег из банковского автомата. Иначе бы этот тип из «мерседеса» не появился еще по дороге из аэропорта. Нельзя, конечно, на сто процентов исключить, что он — из какой-то банды, охотящейся на людей с иностранными кредитками, но это маловероятно. Скорее, Тима отследили еще в Чикаго. «Лучше бы я сидел в Миннеаполисе и ждал конца этой идиотской истории. Господи, кому я нужен? Все, что я знаю, относится к научной части их дела. Я даже не могу понять, о какой стране они поставили задачу», — уныло размышлял он.

— Извините, вы не знаете, где в Хельсинки на вокзале можно приобрести мобильник? Я свой, наверно, оставил в кафе на вокзале, — прервал его размышления прижойлой мужчина, сидящий в вагоне через проход от Тима.

Интеллигентная внешность, седая, коротко подстриженная борода, внимательный взгляд. «Нет, этот не похож на бандита или сыщика», — оценил его Тим.

— Я не знаток этого города, но не думаю, что это может быть проблемой. Были бы деньги, — улыбнулся в ответ Тим.

— Да, деньги. У меня вот пенсия, и лекции еще продолжаю читать, но мою поездку по Европе финансировали дети как подарок к семидесятилетию. Моих бы не хватило и на дорогу, — усмехнулся пожилой мужчина.

— Да, деньги не всегда достаются, кому следовало бы, — рассеянно и скорее из вежливости поддержал беседу Тим.

— Принято думать, что все, что происходит с людьми, вызвано их действиями, индивидуальными или коллективными. Однако это не всегда так. Я говорю не только о деньгах, — улыбаясь, продолжил сосед.

— Но существуют же причинно-следственные связи, — возразил Тим.

— Существуют. Но эти связи иногда оказываются под влиянием естественных, часто чисто биологических процессов. Например, популяционных. Я немного занимался биологией, хотя по образованию я химик. Существует такое понятие, как гомеостаз популяции. Это сохранение численности, вернее, плотности популяции. Каким-то непонятным образом индивидуум меняет поведение из-за увеличения этой плотности и меняет его так, что численность популяции падает. Часто последствия этого становятся для популяции критическими, — объяснял сосед.

— Я читал, что популяции леммингов невероятно возрастают каждые три года, а потом они тысячами бросаются в море, — припомнил Тим.

— Это не совсем так, но осцилляции популяций отмечены, а кое-какие осцилляции вместе с межвидовыми связями даже математически описаны. Интереснее приложить теорию к человеческой популяции...

— Которая пока растет по экспоненте, — перебил соседа Тим.

— Да, но неравномерный прирост в человеческой популяции создавал проблемы через двадцать-двадцать пять лет, поскольку рабочие места для растущего населе-

ния заранее не приготовлены. И тогда не имеющие работы молодые люди начинают создавать проблемы. До мальтузианского голода в индустриальном обществе далеко, а вот перенаселение в нем относительно рабочих мест — это реальность. Войны, алкоголизация, наркомания и даже гомосексуализм абсолютно естественны, так как с их помощью популяция выводит избыточное относительно рабочих мест население с рынка труда и уменьшает свой дальнейший рост.

— В таком случае единственное решение проблемы перенаселения — это экспансия. Европа веками отправляла избыточное молодое население в Америку, Англия в Индию, Голландия в Африку.

— Да, Ленин, утверждавший, что Первую мировую войну вызвало стремление к переделу колоний, был только отчасти прав, поскольку колонии были не столько источниками доходов, сколько стоком прибывающего избыточного относительно существующих рабочих мест молодого населения из метрополий. Еще один пример, который еще не оценили, — эти миллениалы в Америке, то есть те, кто родился в последние пятнадцать лет двадцатого века. Их много, они вот-вот принесут проблемы своего трудоустройства, но экспансии, на которую вы так правильно указали, не предвидится, — подхватил тезис Тима его сосед.

— Ваша идея очень интересна, ее нужно бы учесть в моделировании... — задумчиво вставил Тим.

— Моделировании чего? — спросил сосед. — Вы ученый?

Тим осекся, думая, как бы выкрутиться, и решил продолжать общие рассуждения.

— Вот Ближний Восток сегодня тонет в крови не из-за конфликта суннитов и шиитов. Хотя этот конфликт существовал с давних времен, сегодня он так обострился из-за рекордного трехпроцентного прироста населения, случившегося двадцать пять лет назад. Я об этом недавно читал в статье, — сказал Тим и после паузы добавил, решив не называть американского журнала: — В Интернете. Очевидно, что увеличение цен на нефть и рекордный прирост населения на Ближнем Востоке были явлениями связанными. А вот Россию, я полагаю, ждут спокойные времена из-за резкого уменьшения рождаемости в девяностых годах.

— Вы — хороший исследователь. Мне бы таких аспирантов, — искренне восхитился собеседник.

Тим был исследователем с раннего детства. В пять лет он начал строить ракету для полетов в другие галактики и прибил все часы, которые были в доме, к доске, которую надписал словом «У Правления». В школе он увлекся математикой, и это определило его карьеру.

— Спасибо за доброе слово, — ответил Тим. Хотя ему было приятно услышать похвалу, он не был настроен на продолжение беседы. В его мозгу начала прокручиваться общая постановка задачи, решенной для «Архимеда». «Мы же это не заложили. Избыток молодежи. Нехватка занятости. Как их включить в задачу? Впрочем, у меня сегодня другие проблемы», — сказал себе Тим.

— Как вас зовут? — прервал молчание собеседник.

— Тимофей, — ответил Тим с улыбкой.

— А меня Сергей Юрьевич. Вы где работаете?

Тим назвал институт, в котором работал Лешка, моля Бога, чтобы Сергей Юрьевич не имел там знакомых. Знакомых не оказалось.

«Перенасыщенность незанятой молодежью, на которую сейчас обратил внимание мой сосед, представляла собой, может быть, один из самых существенных факторов в задаче, которую мы с Риком решали, а мы его упустили. И Ганс об этом не заикнулся, наверно, не обращал должного внимания», — думал Тим.

— А куда вы едете? — спросил после паузы Сергей Юрьевич.

Тим замылся. Ехать было некуда. Его решение пробыть в Финляндии пару дней ничего не меняло. Ненадежные варианты, конечно, были. Во-первых, можно было несколько дней отсиживаться в финской глуши и потом вернуться в Россию. Служба при этом не исключалась. Во-вторых, можно было отправиться в Канаду. Проблем въехать американскому гражданину не было, но на что там надеяться, было неясно. «На дядю Джеймса, что ли?» — усмехнулся он про себя.

— В Англию по работе и в Париж к знакомым, но сначала я должен встретить друга в Хельсинки, — с неохотой наврал Тим и вдруг подумал: «А не поехать ли мне к Маше в Париж?» — и, улыбаясь, вспомнил, как, будучи еще студентом, завылся вдруг в час ночи к своей московской знакомой по дороге из Крыма.

— А я буду в Париже после Стокгольма. Такой маршрут мои дети выбрали, — произнес Сергей Юрьевич.

Тиму не хотелось поддерживать разговор, и он прикрыл глаза, размышляя. «Как же все-таки включить избыточность молодого населения? Если возможностей для экспансии у популяции нет, то есть ехать некуда, а международные корпорации не принесут загрузку, как в Юго-Восточной Азии, то альтернатива проста: или взрыв, то есть бунт, или уход через наркотики или алкоголь. Взрыв — в бедных обществах, а в богатых — наркотики? Однако „Архимед“ ставил проблему в обществе скорее бедном, так как они предположили, что часть населения не имеет компьютеров. Как же все-таки ввести в задачу такое перенаселение?»

Когда поезд приблизился к Хельсинки, настроение Тима улучшилось. Может быть, это случилось потому, что думать о задачах было приятнее и интереснее, чем обдумывать, как убежать от охотившихся за ним неизвестных. Тепло попрощавшись с Сергеем Юрьевичем в Хельсинки и взяв адрес его гостиницы в Париже на случай возможного пересечения маршрутов, Тим направился к информационной стойке. «Может быть, и встретимся, — подумал он, глядя в сутулую стариковскую спину новоявленного знакомого. — Так почему же мне не позвонить Маше?»

ВИЗИТ В РОЩИНО

По иронии судьбы родители Тима, плохо знавшие Рощино и тревожно настроенные неожиданным звонком Лешки, решили выбраться заранее и ехали в другом вагоне одной с Тимом электрички, сев в него на Удельной, недалеко от своего дома. Отец Тима, доцент одного из старых ленинградских вузов и интеллигент в бог знает каком поколении, на старости лет сделался столь раздражительным, что не всегда мог сдерживаться. Угнетало даже не собственное второразрядное положение, несравнимое с уважаемым положением при старом режиме. Появились проблемы с детьми. Дочь бросила институт, вышла замуж за какого-то бизнесмена, а современный бизнес просто не может существовать абсолютно честно. Сын, правда, выучился и стал ученым, да ведь эмигрировал. Его прадед в революцию семнадцатого года родину не бросил. С другой стороны, годы становления личности Тимофея пришлось на перестройку и правление Ельцина, откуда тут патриотизму появиться. А жена, чуть что скажи детям, твердила: «Не надо делать из них несчастных. Пусть будут, как все».

После звонка Тима из электрички Лешка, естественно, не застал их дома и, не зная номера мобильного отца Тима, позвонил Лене, прося связаться с ним, как только родители приедут. Затем, отодвинув в сторону срочные бумаги для очередного гранта, он стал судорожно придумывать какое-нибудь не слишком очевидное вранье для родителей Тима. «Первый раз в жизни завидую бабам, — подумал Лешка, — у них со враньем никогда не бывает трудностей».

— Идея! — наконец воскликнул он. — Скажу-ка я им, что одолжил Тиму пару тысяч долларов и переслал их ему в Америку, но по каким-то неизвестным мне банковским правилам нехорошо отдавать долг прямо обратно, и я хотел спросить, не против ли они вовлечения сестры Тима как промежуточной инстанции. Однако об этом не надо никому рассказывать, потому что американские банки за всеми шпионят и недавно засудили бывшего важного конгрессмена за какие-то мелкие переводы. «Довольно глупо, — подумал он через минуту, — но зато непонятно и поэтому не кажется враньем». Так и получилось. К своему вранью Лешка добавил, что хотел их видеть, имея поручение от Тимофея описать, как они выглядят и не нуждаются ли в помощи. Скайп этого не покажет. К сожалению, он застрял на службе и теперь опишет их со слов Лены.

В завершение краткого визита родителей Тима Лена усадила их пить чай со свежим черничным вареньем. Мать Тима пыталась выведать у Лены, не завел ли Лешка какую-нибудь пассию после развода и какие у него отношения с их ребенком. Вдруг их тихая беседа была прервана яростным лаем соседских овчарок и криками мужчины, который силился отбиться от них зонтом, пробираясь через живую изгородь, отделявшую участки Лены и соседей от детской площадки. Лена, будучи в дружеских отношениях с соседскими собаками, сумела отогнать их, а вскоре вышла из дома их хозяйка.

— Простите, а вы к кому? — строго спросила она мужчину, хватая между тем собаку за ошейники и оттаскивая их.

— Я хотел посмотреть дачу, которая продается вот по этому адресу, — ответил мужчина, протягивая ей бумажку, — и шел так, как вел меня мой айфон.

— Лена, посмотри ты, я должна их увести, — сказала собачья хозяйка.

Лена с удивлением прочитала адрес своей дачи.

— Здесь какая-то ошибка, моя дача не продается, — воскликнула она.

— Странная ошибка, — ответил мужчина. — Мой сын просил меня приехать в Петербург и посмотреть именно эту дачу. Сам он работает в Америке, но хотел купить дачу именно под Петербургом.

— Где работает? — живо поинтересовалась мать Тима.

— Да в одном банке.

— В банке? — вдруг встревожилась она, но, получив толчок в бок от мужа, сменила тон, спросив: — И хорошо зарабатывает?

— Толком не знаю. Думаю, вряд ли. Если бы он очень хорошо зарабатывал, то покупал бы во Флориде, — медленно отвечал мужчина. — А вы почему интересуетесь, у вас что, родственники в Америке?

В это время отец Тима опрокинул чашку чая на скатерть перед хотевшей что-то ответить женой, а Лена отметила, что лицо мужчины было как застывшая маска и никак не отражало ни тона разговора, ни происходящих действий. Вмешавшись в разговор, она еще раз повторила, что дача не продается.

— Жаль, — ответил мужчина. — Однако как мне добраться обратно до вокзала?

— Мы вот тоже собираемся скоро обратно... — заявила было мать Тима.

— Нет, не так скоро, — прервал ее отец, все время подозрительно посматривавший на незнакомца.

Тот вскоре ушел. Через двадцать минут ушли и родители Тима. Лена сразу позвонила Лешке и отчиталась о визите.

— Странно, — промолвил он, — а как хоть выглядел этот мужчина?

— Он был в светло-сером костюме, — медленно начала Лена... — слушай, да я ж не запомнила его лица! Такое пустое лицо...

Лешка еще не знал о встрече Тима с человеком с зонтом в электричке. Тем не менее дачная история показалась ему подозрительной, и Лешка переслал ее описание в мейл-бокс, который завел для экстренной связи с Тимом после его приезда.

ПЕРВЫЕ СУТКИ В ЕВРОПЕ

В хостеле недалеко от центра Хельсинки было чисто и тихо. Неограниченный доступ в Интернет, завтрак и сауна, и стоило все это пятьдесят евро. «То, что надо», — подумал Тим. Он облегченно растянулся на кровати и несколько минут лежал с закрытыми глазами. В ушах звучал вальс, который он слушал вчера вечером перед сном у Лешки дома. Хотелось начисто забыть всю последнюю неделю. Глубоко вздохнув, он встал, проверил Лешкин мейл-бокс, прочитал о визите человека с зонтом на дачу в Рожино и еще раз убедился в оправданности своего бегства из России. Интересно было бы поделиться недавними размышлениями о модификации модели с Риком. «Связаться с ним напрямую, конечно, нельзя. Если бы кто-то мог передать записку. Марк? Не уверен, что он согласится, узнав, в чем дело, а вовлекать кого-то втемную, как Рик вовлек Лесли, нельзя». Перебрав много вариантов, Тим решил, что краткую записку Рiku мог бы без особых подозрений передать Брэд. Довольно скоро он нашел в Интернете контактную информацию на заместителя шерифа. Больше времени понадобилось для составления сообщения. Начал он просто с «Брэд, передайте, пожалуйста, Рiku, что я узнал от его дяди, что он уже дома, и решил поделиться одной идеей». Дальше в нескольких словах описывалась идея Сергея Юрьевича и ее важность для того, о чем мог догадаться только Рик. Подписи под сообщением Тим не поставил.

Отправив сообщение, Тим пошел слоняться вокруг хостела, купить мелочи вроде запасных носков и зубной щетки. «Черт знает сколько еще придется скитаться», — думал он. Вечером, еще не заходя в хостел из приобретенной за эти дни осторожности, Тим, достав из бумажника Машину визитку и прочитав там ее фамилию, позвонил ей.

— Мадам Фуко...

— Тим? Я знала, что вы позвоните. Интуиция подсказала, — обрадованно ответила Маша на приветствие Тима.

— Понимаете, мне хотелось бы провести пару дней в Париже, а кроме вас, я там никого не знаю. Кроме того, мне кажется, что наш разговор оборвался на самом интересном месте, — продолжал Тим.

— Что ж, вы считаете самым интересным местом мой дом в Париже? Не знаю, не знаю. Ну, запишите мой адрес, — усмехаясь, ответила Маша и продиктовала его.

— До чего приятно, когда красивая женщина еще такая умная, что понимает с полуслова!

— Однако я вернусь в Париж только через три дня. Я еще в Москве. Кроме того, мне надо заехать по делу в Петербург. А вы откуда звоните? — спросила Маша.

— Машенька, а вам нравится, когда в мужчине есть что-то таинственное? — отвечал Тим, думая при этом: «Ее уж не должны прослушивать» — и тем не менее еще опасаясь сказать, где он.

— Это может привлекать, не спору.

— Пусть пока будет таинственным мое местонахождение. Я, к сожалению, не в родном Петербурге, и мне придется дожидаться встречи с вами в Париже.

— Придется?

— Но я могу позвонить вам и в Петербург.

- Вы, кажется, не очень заняты.
- Машенька, да я был бы готов прервать любое занятие...
- Неужели, а кто бы мог подумать несколько дней назад.
- Машенька, да я...

— Простите, Тим, но я должна прервать разговор, я в гостях, и хозяйке срочно нужна моя помощь. Постарайтесь не забыть приготовленные комплименты до встречи в Париже.

После разговора с Машей Тим подумал: «Если Маша разрешит пожить у нее неделю, этого достаточно, чтобы закинуть удочку в несколько мест в поисках работы. Конечно, для интервью летом, когда многие начальники в отпусках, нужен, может быть, целый месяц, но ничего, как-нибудь выкручусь». Вернувшись в номер, он вдруг почувствовал сильнейшую усталость и мгновенно заснул. Проснулся он от телефонного звонка и автоматически включил его, на секунду забыв об осторожности.

— Алло, — тревожно выкрикнул он.

— Тим, я не совсем вежливо оборвала разговор, но сейчас я вернулась к себе, — извинялась Маша, — однако, судя по вашей интонации, у вас какие-то неприятности. Что-то дома в Петербурге?

— Еще не знаю.

— Странный ответ. Я буду там завтра вечером. Я могу чем-то помочь?

— Скорее нет, Машенька. Хотя, — вдруг сообразил Тим, — так получилось, что я оставил там, у друга, мой ноутбук, а в нем много нужной информации. Весь ноутбук — это слишком, но друг мог бы скопировать на диск информацию и передать вам, если разрешите.

— Хорошо, как его зовут и какой у него телефон?

Они договорились, что Маша позвонит Лешке из поезда по дороге из Москвы в Петербург.

— Если я по какой-то причине не дозвонюсь предупредить его, вам нужен пароль, чтобы он вам поверил, — добавил Тим.

— Какой еще пароль? — рассмеялась Маша.

— Спросите Лешку, кто вымазал подоконник в школе валерьянкой.

Тим объяснил, что дело было в третьем классе. Стояли жаркие майские дни, их класс был на первом этаже, и его зарешеченные окна были открыты. На перемене Тим вымазал подоконник, в то время как Лешка «стоял на атасе». Трудно сосчитать, сколько котов с воем впрыгнуло в окно во время следующего урока, опрокидывая с подоконника горшки с цветами, потому что некоторые согнанные появлялись снова — до тех пор, пока учительница не сообразила закрыть окно. Однако и после этого она гонялась минут пять по классу за одним из оставшихся котов, к неописуемому восторгу учеников. Тимоху и Лешку не выдали потому, что они не рассказали о проделке никому кроме, Лешкиного деда. «Приказываю, пусть будет военной тайной», — сказал тот, понимая, что хвастовство непременно приведет к расплате.

Наутро Тим принялся выбирать дешевую и долгую дорогу в Париж. Самый дешевый авиарейс был из Тампере в Бремен. Тим выбрал его. Оттуда до Парижа можно ехать на поезде или автобусе — и дешево, и возможность убить пару дней. Потом позвонил Лешке на работу и рассказал о договоренности с Машей.

— А где она работает? — спросил тот.

Тим прочитал ее визитку, и Лешка мигом нашел в Интернете, что это — организация, частично контролируемая российским правительством.

— В советское время в таких организациях работали люди, отобранные КГБ, — заметил Лешка.

— Не думаю, что в моей ситуации это было бы самым страшным, — парировал Тим. — Посматривай почту в нашем мейл-боксе. Я послал один запрос соседу Рика Брэду. Может, придет ответ. Мне также надо непременно заплатить за квартиру в Миннеаполисе, выплатить по кредитке и так далее. Мое университетское жалование должно поступать на мой банковский счет, и я оплачиваю все это с моего счета с помощью моего компьютера, который остался у тебя. Расписание платежей и пароли в папке bank директории С. Сделаешь?

Лешка обещал также скопировать указанную часть диска для Маши.

В МИННЕСОТЕ

Получив малопонятный имейл с какого-то русского сервера, Брэд был несколько озадачен. Разумеется, он понял, что писал ему русский ассистент Рика, исчезнувший в день ареста. Неважно, в России Тим или нет, но общаться с Риком он решил через Россию. Отец Брэда воевал в Германии и встречался с русскими в Берлине, он относился к ним с симпатией, а вот старшие братья, выросшие в годы «холодной войны», любили вспоминать, как их загоняли в школе под парты в порядке подготовки к возможной русской атомной атаке, и к русским относились с подозрением. В результате отношение к России у Брэда было сложным.

— Рик, у вас нет проблем в отношениях с этим русским? — спросил он как-то лет пять назад после пикника, на котором присутствовал Тим.

— Да нет. А что вы в нем заметили особенного, Брэд? — изумился тогда Рик.

— В нем — ничего. Однако знаете, я как полицейский на девяносто процентов угадываю, когда машину впереди меня ведут китайцы. Что же до русских, то как полицейский скажу, что они слишком любят справедливость, чтобы уважать законы.

— А что вы имеете против справедливости?

— Еще подростком мне попался диалог Сократа о справедливости, — отвечал Брэд и, встретив непонимающий взгляд Рика, решил по памяти пересказать: — Мудреца спросили о ней ученики. «Хорошо, к кому ты пойдешь чинить сандалии?» — спросил он одного. «К сапожнику». — «А лечить больную ногу?» — «К лекарю», — отвечал другой. «А делить захваченную в походе добычу?» — «К справедливому», — отвечали оба. «Значит, справедливость — это умение делить чужое», — заключил Сократ. Тогда я и понял, что справедливость как дырявое одеяло, которое каждый тянет на себя, в то время как прикрывать надежно могут только законы.

Направляясь вечером с распечаткой странного послания к соседу, Брэд размышлял, могла ли быть причастна к истории Рика какая-нибудь русская команда, мафиозная или государственная, и вспоминал недавние истории с русскими шпионами. Оснований искать Тима у полиции пока не было, как не было оснований и у университета: не было занятий, которые он должен был провести, но пропустил.

Адвокат Рика не пытался утверждать, что наркотики подброшены, но упирал на то, что их оставил кто-то другой, и требовал провести расследование среди сотрудников, когда-либо употреблявших их. Интересно, как отреагирует Рик на эту малопонятную записку.

— Вам записка от Тима, Рик, — сказал Брэд, войдя в дом соседа.

Рик прочитал записку с каменным лицом. «Трудно понять, что происходит в душе порядочного обеспеченного человека, когда он вдруг оказывается загнанным и обманутым одновременно», — думал, глядя на него, Брэд.

— Он что, в России? — спросил Рик.

— Необязательно.

— А что это за дядя?

— Вам лучше знать.

Рик-то, конечно, знал, но теперь он не доверял и Брэду. Сухо поблагодарив его, он с нетерпением ждал его ухода. Едва захлопнулась дверь, как Рик стал звонить Джеймсу. Тот не отвечал. Он снова позвонил через пять минут, затем еще раз через десять. Наконец он позвонил соседу Джеймса. Тот уверил его, что окна дядиного дома освещены. Рик занервничал. Жена ушла к соседям, забыв свой мобильник на кухне. Дядя — единственная надежда на помощь и, в сущности, единственный родственник. Остальные относятся к его истории как к анекдоту, да, в сущности, и не знают ее. Не случилось ли с дядей что? Пойти предупредить жену? Нет, достаточно просто оставить записку, что он едет к дяде Джеймсу. Рик сел в машину, поспешил к тридцать пятой дороге и свернул на север. Теплый ночной ветер с шумом врывается в открытое окно машины и немного успокаивал.

Часа через три уже уснувшую жену Рика разбудил звонок дяди Джеймса.

— Я смотрю, Рик трижды звонил мне, пока я был в ванной, а теперь не отвечает.

— Меня не было дома, когда он уехал. Он оставил записку, что пару часов назад выехал к тебе.

— Хорошо, буду ждать.

Он перезвонил еще через три часа, изумляясь отсутствию Рика. Теперь заволновалась и жена. Она не могла заснуть. Примерно через час после рассвета в дверь позвонили. Вошел полицейский и после приветствий сообщил:

— Машина вашего мужа упала ночью с шестьдесят первой дороги в обрыв у Сильвер-Бэя.

— Что с ним?

— К несчастью, он мертв.

Через несколько минут жена Рика, не в состоянии понять, о каких формальностях говорит полицейский, кинулась к дому Брэда. Звонок в дверь разбудил его.

— Через пять минут возвращайтесь сюда, поедem в моей машине, — рявкнул он.

Уже в пути жена Рика позвонила дяде Джеймсу. Затем Брэд связался с полицией Сильвер-Бэя. Он гнал шерифскую машину с сиреной, временами забирая за сто миль в час. К его приезду дядя и двое полицейских что-то обсуждали внизу у разбитой серой машины Рика, а тело уже было увезено.

— Машину Рика явно столкнула с дороги другая машина, — заметил Брэд, показывая Джеймсу следы красной краски, отчетливо видной на большой вмятине в левой части багажника.

— Они же не знали, куда он направился, и, похоже, подумали, что он решил дать деру в Канаду, — злобным тоном, казалось бы, невпопад ответил Джеймс, но Брэд вдруг изменился в лице. Он понял, в чем дело.

— Найти преступника будет рискованным делом, — сказал он вполголоса и, встретив недоуменный взгляд местного полицейского, отвернулся.

ВСТРЕЧА В ПАРИЖЕ

Теплый летний вечер на юго-востоке Парижа был как-то особенно приятен, возможно, из-за близости Венсенского леса. Тим медленно подходил к дому, в котором жила Маша. Недалеко от ее дома он купил недорогой букетик цветов, с усмешкой подумав, что впервые в жизни экономит на цветах для дамы. Жизнь и раньше не баловала. Студенческие годы пришлось на девятые, у родителей хватало денег разве что на еду для сына, но не на развлечения. Традиционные в отцовское

студенческое время приработки были перехвачены вовсе не студентами. Переехав в Америку, он не имел поддержки ниоткуда и сразу стал подрабатывать на факультете, где учился. Снимал комнату в доме, скорее похожем на сарай. Однако на цветах не сэкономил.

Они договорились с Машей, что он придет к ней в пятницу в семь, и оставалось еще полчаса. Несмотря на напряжения последних недель, усталость от переездов и неопределенность будущего, Тиму не терпелось ее увидеть. Уже не было волнения, с которым он отправлялся на свидания в студенческие годы. Почти вынужденный переезд в Америку изменил и его романтические стереотипы. Двухлетнее совместное проживание с американкой во время докторантуры в Массачусетсе настроило его скорее на скептический лад. Тем не менее некоторая приподнятость настроения не покидала Тима с утра. Он набрал номер Машиной квартиры на домофоне, и через минуту она встретила его в дверях квартиры. Она, видимо, только что вернулась с работы и была еще в деловом костюме.

— Здравствуйте. У вас потрясающий вид. Настоящая бизнесвумен, — искренне восхитился Тим.

— Сегодня была важная встреча, пришлось соответственно одеться. Проходите. Сейчас вы увидите, как тесно живут в Париже, — улыбнулась Маша.

Тим увидел справа крохотную кухню, коридор, упирающийся в гардероб, и две комнатки по обе стороны коридора. Гостиная со старинным гобеленом во всю стену с одной стороны коридора и таких же размеров спальня с другой были светлые и со вкусом украшены картинами, тарелками и гобеленами.

— Очень уютно. И кажется, что здесь сто лет жили парижане, — заметил Тим. — Вы давно живете в этой квартире?

— Десять лет. Я купила ее себе в подарок на тридцатилетие, — усмехнулась Маша.

«Уже сорок. Я думал ей лет тридцать пять, не больше, — оценил Тим. — Правда, я себе такого подарка к тридцатилетию не сделал».

— Вы выглядите гораздо моложе. Никогда бы не подумал, что мы с вами одногодки, — улыбнулся Тим. Говорить с Машей было удивительно легко.

— Спасибо за комплимент, но комплиментами сыт не будешь. Садитесь за стол, будем ужинать. Я купила хорошую бутылочку бордо. За пятнадцать лет во Франции я научилась разбираться в винах.

— Много пришлось выпить за годы учебы? — со смехом спросил Тим.

— Умеренно, — тем же тоном ответила Маша. — Мой бывший муж был компетентным преподавателем не только филологии.

— Почему же вы развелись?

— Бесполезный вопрос, Тим. Сколько ни слушайте, вы узнаете только мнение одной из сторон.

После второго бокала Тим расслабился и искренне заявил:

— Вы очень гостеприимная хозяйка. Я чувствую себя не только в безопасности, а просто как дома.

— В таком случае вы, может быть, объясните, что же за тайная опасность грозит вам и, как я понимаю, нарушает ваши планы? — спросила Маша.

— Я мог бы рассказать, но вы уверены, что хотите это знать? Иногда незнание более безопасно.

— Безопасно? Куда же вы влипли? В России опасными чаще всего оказываются коммерческие проекты.

— Вы не угадали. Понимаете, Маша, я — исследователь, ученый, если хотите. И как любой настоящий ученый интересуюсь только постановкой и решением задач. Я соврал вам в самолете, не сказав, где я работаю, именно из-за ощущения

опасности. На самом деле я преподаю в одном американском университете, — с паузами между фразами заговорил Тим, а после последней фразы вытащил из кармана американский паспорт, помахал им и засунул обратно. — Случилось так, что решение одной задачи было заказано какой-то могущественной организацией, которая...

— Почему какой-то? — перебила заинтригованная Маша.

— Смешно, но честное слово, я не знаю какой. Как я недавно выяснил, они пользовались подставными реквизитами.

— А за работу платили?

— Да, но не в этом дело. Выясняется, что от результатов использования нашего решения зависит что-то очень существенное в этом мире. Мы не представляли себе этого и даже сейчас толком не представляем, где и что зависит. По сравнению с проблемой в реальном мире, которую мы моделировали, жизни ученых, решивших эту задачу, — ничто, мелочи. Мы в таком масштабе просто не существуем. А дальше эта таинственная организация-заказчик почему-то решила, что мы представляем опасность для реализации проекта, который мы моделировали, и будет лучше, если мы на какое-то время станем не способны ни на какое действие. Возможно, им проще, если нас просто не будет. В свою очередь, я решил, что мне лучше скрыться на какое-то время. Комедия в том, что я даже не могу попытаться договориться с ними, поскольку не имею контакта.

— Так что, они вас ищут? — спросила Маша, прищурив глаза.

— Скорее да, чем нет, — мрачно ответил Тим и рассказал о человеке в светло-сером костюме.

— Я не очень активна в общественной жизни и в социальных сетях. Поэтому если за вами не следили в то время, когда вы шли сюда, то здесь для вас безопасно. А можно узнать, как появилась эта организация в вашей работе? — спросила Маша.

— Маша, можем мы продолжить этот интересный разговор завтра, а сегодня поговорить о Париже, в котором я только второй раз, о книгах или, если хотите, о погоде.

— Да, у вас усталый вид. Я должна была бы сразу догадаться предложить вам с дороги душ.

— Вы все делаете правильно. Обед сначала — это было очень кстати.

— Я вижу, весь ваш багаж в портфеле. Подождите минутку, я найду вам что-нибудь домашнее.

Через пару минут она позвала его и показала халат, повешенный на крючок двери душа. Когда Тим минут через десять вышел оттуда, Маша встретила его восклицанием:

— Надо же, халат моего бывшего мужа вам вполне подошел!

— Я думаю, мне подойдет и его бывшая жена, — улыбаясь, ответил Тим и пригнул ее к себе.

УТРО В ПАРИЖЕ

Окно спальни было открыто, но в восемь утра в субботу на этой улочке было не по-городскому тихо. Когда Тим проснулся, Маши уже не было рядом, а из кухни шел аромат кофе. Он тихонько встал. Она сидела, склонившись над компьютером, и не заметила, как он подкрался и поцеловал ее в шею.

— Хочешь кофе?

— Да.

— С финиками?

— Интересно. Попробую. А ты спозаранку за работой?

— Кстати, твой друг передал мне диск. Вот он, — вместо ответа сказала Маша.

— Можно я зайду в свою почту с твоего компьютера? — спросил Тим.

Открыв почту через несколько минут, Тим воскликнул:

— О господи, они его убили.

Услышав возглас, Маша пришла из кухни и спросила:

— Кого убили?

— Человека, с которым я делал эту проклятую работу, он — мой профессор. Мне переслали сообщение: «Профессор погиб в автокатастрофе».

— Но автокатастрофы случаются каждый день, — возразила Маша.

— Рик был очень хорошим водителем и хвастался, что ни разу в жизни не имел ни столкновений, ни даже штрафов. Почему же они решили его убить?

— Его звали Рик?

— Да. Рик Андерсен, — мрачно ответил Тим и после долгого молчания произнес: — Теоретически я знал, что эти люди не остановятся ни перед чем, но после гибели Рика я кожей и животом чувствую их присутствие везде, во всем мире. Я даже могу фантазировать, что если ты откроешь дверь в квартиру, за ней кто-то стоит.

— Не паникуй. Сейчас наибольшую опасность для тебя представляют Интернет и телефон, даже мобильник с предоплаченной сим-картой. Не пользуйся ни тем, ни другим, — как-то жестко сказала Маша. — Вся эта история со Сноуденом показала, что, во-первых, отслеживается больше, чем обыватель может вообразить, а во-вторых, американские государственные системы не закрыты для злоупотреблений их сотрудников. А кто может гарантировать, что твоя неведомая организация, если она даже не государственная, не завербовала одного из них?

«Совсем тем же тоном, как говорил мне дядя Джеймс. Коллеги они, что ли? — подумал Тим и вспомнил Лешкино предупреждение о ней. — Впрочем, мне сегодня все равно. Она красивая женщина и, может быть, хороший человек».

— А какую задачу вы все-таки решали? Где моделировалась смена правительства? — поинтересовалась Маша уже более мягким тоном.

— Смены правительства не было в постановке задачи. Мы моделировали распространение информации и контринформации в какой-то не очень богатой стране, которая экспортирует какое-то сырье, — ответил Тим.

— Экспортирует сырье? — задумчиво переспросила Маша.

— Да. Найти кризисное состояние было целью исследований, — продолжал Тим, — но несколько дней назад я вдруг понял, что мы упустили в задаче один очень важный фактор. Он состоит в том, что нестабильность в бедной стране происходит в том случае, если за двадцать или двадцать пять лет до этого в ней был рост рождаемости выше среднего. Никто же не подготовил для молодых людей дополнительные рабочие места. И тогда не нашедшие занятия молодые люди приносят стране проблемы.

— Сегодня в Интернете я прочла о волнениях в Аргесуэлле, — не слушая Тима, произнесла Маша.

— Да, я читал об этом во вторник, но там власти применили силу и разогнали толпы везде, кроме Карайреса, — сказал Тим.

— А в четверг там снова собрались толпы. Они требуют отставки правительства из-за неспособности уменьшить безработицу.

— Если наш заказчик имел в виду события в Аргесуэлле, то виден конец моих мытарств, — с усмешкой заявил Тим.

— Виден не виден, но как эта смерть влияет на твои планы?

— Надо подумать.

— Пока можешь отсиживаться здесь, как Тангейзер.

— Семь лет я не планировал, — усмехнулся Тим.

— Галантный мужчина сказал бы «всю оставшуюся жизнь», — усмехнулась в свою очередь Маша и добавила: — Здесь тебе не Америка, можешь поправить настроение рюмочкой коньяка даже с раннего утра.

Маша вышла в гостиную и достала из стенного шкафа бутылку «Мартеля» и две рюмки. Тим оторвался от компьютера и молча направился за ней. Когда она налила ему треть рюмки, Тим протянул руку и медленно поднес рюмку к губам.

— Мне иногда помогает, — сухо заметила Маша. — По крайней мере, в те дни, когда, просыпаясь, знаешь, что надо делать то, что...

Она не договорила и отвернулась к окну с рюмкой в руках. Солнце уже поднялось над домом на противоположной стороне улочки, а на небе не было ни облачка. День обещал быть прекрасным.

— Life is tough, — сказал Тим, вздыхая, и обнял ее, — давай планировать мои парижские каникулы.

ПАРИЖСКИЕ КАНИКУЛЫ

Через пару часов Маша и Тим отправились гулять по Парижу. Маша любила Париж. Она знала интересные места на красивых бульварах и маленьких улочках, которые толпы туристов обходили стороной. Она с воодушевлением и довольно успешно исполняла роль экскурсовода. Когда они приблизились к Лувру, Маша сказала:

— Давай зайдем в Пале-Рояль. Я люблю посидеть там в скверике.

Когда они вошли с забитой туристами улицы Риволи в относительно малолюдный сквер внутри дворца и сели на кресла у фонтана, Тим забыл о внешнем мире и собственных проблемах. «Я в Париже с красивой женщиной. Жизнь интересна, и в ней много неожиданно хорошего», — радостно подумал он.

— Хорошо? — нарушила его блаженное молчание Маша.

— Да, давай на время забудем обо всем мире, кроме Парижа.

— Наверное, ты устал от моей болтовни. Расскажи теперь ты что-нибудь. Расскажи о своих родителях, я ведь о тебе ничего не знаю, только то, что ты врал в самолете.

— Ничего особенного рассказать не могу. Отец — доцент, мать работала инженером в конструкторском бюро, но теперь не работает. Дед и прадед были профессорами физики. Лет сто пятьдесят семья живет в одном городе, но прадед родился в Петербурге, дед — в Петрограде, а отец и я — в Ленинграде. Прадед умер во время блокады, его ранило осколком разорвавшейся бомбы, потерял слишком много для истощенного человека крови и умер. Дед в это время был на фронте.

— То есть ты ученый в четвертом поколении? — удивилась Маша.

— Скорее в пятом, но о прапрадеде я мало что знаю. Только то, что он был химик. Он пропал без вести в Гражданскую войну, и о нем было не принято вспоминать в семье, — ответил Тим и замолчал, не проявив желаний задавать аналогичные вопросы Маше. Ему вовсе не хотелось нечаянно узнать что-нибудь о ее бывшем муже с его странным образом хранимым халатом.

Заметив, что Тим не настроен на болтовню, Маша предложила купить билеты на вечерний концерт в церковь Маделины, на что Тим охотно согласился. На воскресенье они запланировали поездку в Версаль.

С понедельника Тим превратился в самостоятельного туриста. Небо с утра было покрыто тучами, и он напялил куртку, положив в один карман русский путеводитель, когда-то оставленный кем-то из Машиных гостей, а в другой — карту Парижа. Первой остановкой на его пешем маршруте была библиотека Миттерана, куда он

решил записаться, но пробыл там недолго. Затем, погуляв вдоль набережной, влажной после недавно прошедшего ливня, вышел к бульвару Сен-Жермен и свернул к Люксембургскому саду. Тучи разошлись, и ряды скамеек возле большого пруда с цветником перед ним наполнились студентами, завтракавшими «макдональдсами» в перерыве между лекциями.

С удовольствием разглядывая студентов, Тим уселся на один из пустующих стульев неподалеку. Почти немедленно на соседний стул сел молодой человек в пиджаке с шарфом на шее и газетой в руках. По остаткам бывшего шарма и особому уважению к себе было легко узнать в нем француза-пенсионера. Пенсионер раскрыл газету, и Тим мельком взглянул на страницу. Его радостное настроение улетучилось: большая фотография толпы возбужденных людей на улице в Карайресе напомнила об «Архимеде».

— Говорите ли вы по-английски? — сделав американскую улыбку, спросил Тим.

— Немного, — ответил пенсионер.

— Я не следил за событиями в Аргесуэлле. Не знаете, что там происходит? — спросил Тим, показывая рукой на газету.

— То же, что происходило на Ближнем Востоке. Много безработной молодежи, недовольство правительством, толпы людей на улицах и неспособность применить силу для наведения порядка, — медленно, как бы резюмируя, ответил пенсионер с таким французским акцентом, что Тиму понадобилось с минуту соображать, что же тот сказал.

— Если много неработающей молодежи и недовольство правительством не являются сюрпризом, то есть длятся месяцы и годы, то почему же появились толпы в течение нескольких дней? — медленно спросил Тим, давая собеседнику возможность понять английский.

— Они пишут, — ткнул тот рукой в газету, — что два почти одновременных события подогрели обстановку. Первое — это распространение через Интернет информации о якобы огромных счетах в швейцарских банках у президента страны. Второе — это коллапс второго по величине банка, связанного с сырьевыми отраслями.

— И что делает правительство?

— Пытается оправдать президента и обещает помочь потерявшим деньги, но похоже, что уже поздно.

«Мы рассматривали в задаче распространение контринформации, — подумал Тим. — Я также помню, как Рик отметил, что два не очень больших возмущения не только складываются, а невероятно усиливают друг друга при выбранном временном интервале между источниками информации. И тогда мы определили этот интервал. Похоже, что событие X началось, если только оно относится к Аргесуэлле. Впрочем, это только подозрение, ведь я не знаю, что будет завтра в другой точке мира». Тим возбужденно поблагодарил пенсионера, встал и под его недоуменным взглядом быстро направился к выходу из сада. Проходя мимо Одеона, он решил, несмотря на Машино запрещение, все же позвонить Лешке. Можно купить карточку и звонить из автомата. Каждый раз из другого автомата, всегда далеко от Машиного дома. Париж, в конце концов, большой, а сидеть в глухой яме неуютно даже в такой, скажем, медовый месяц.

Купив карточку в ближайшем газетном киоске, Тим направился обратно к Машиному дому, вспомнив свое хвастливое обещание приготовить обед. Он припомнил, что видел автоматы около площади Бастилии, и намеревался воспользоваться одним из них. Лешки не было на работе, и когда его мобильник ответил, Тим выяснил, что Лешка возвращается из леса с грибами, а мейл-бокс он с пятницы не смотрел. Договорились, что Тим перезвонит ему на следующий день.

Вернувшись вечером с работы, Маша принесла Тиму английскую газету «Файнэншл таймс», заметив:

— Что касается твоей Аргесуэллы, то газетные новости уже устарели. Надо бы в Интернете посмотреть.

— Я, кстати, сегодня в библиотеке в Интернете смотрел, нет ли тут конференций по моей специальности, на таких часто вывешивают объявления о вакансиях.

— Под каким же именем ты хочешь искать работу?

— Неплохая идея сменить фамилию на твою. Примешь предложение? — ухмыльнулся Тим.

— Крепко подумаю. Стать вдовой Фуко — не слишком привлекательно. Это даже не вдовой Клико. Не поискать ли мне пока для тебя место в какой-нибудь русской конторе здесь?

— Поискать-то можно...

— Как насчет похода на концерт в среду? — перебила его Маша, разбирая только что вынутые из почтового ящика конверты и рекламные листки.

Тим любил классическую музыку и всегда был рад пойти на концерт. Совсем не так было, когда родители стали водить его в Большой зал филармонии в шесть лет. Досидеть до конца даже одно отделение было тяжело. Потом он привык и в старших классах любил пойти на концерт один. Позже, уже в Миннеаполисе, он покупал абонемент на концерты Миннесотского симфонического оркестра, с хорошим дирижером из Финляндии. Это скрашивало жизнь в периоды, когда он расставался с одной подружкой и еще не имел другой. Сейчас Маша удивительно разделяла все его интересы. Она тоже любила классическую музыку, читала древних авторов и даже согласилась с его скептическим отношением к импрессионистам.

Во вторник Тим звонил Лешке из автомата на улице Риволи, но тот извиняющимся тоном объяснил, что сидит на даче у Лены и рассказывает сказки заболевшему чаду с горчичниками на спине. Конечно, он может через минутку-другую запустить свой ноутбук...

— Не надо. Завтра свяжемся, — отрезал Тим, опасавшийся говорить слишком долго из одного автомата.

В среду утром Тим узнал из Интернета, что правительство в Аргесуэлле пало и один из лидеров протестующих присягнул на верность истинной демократии и объявил всеобщую амнистию. Парламент объявил себя распущенным. Около полудня Тим звонил из автомата на проспекте Опера. Лешка сказал, что единственное сообщение «По приезде в Канаду звоните Джеймсу» пришло от непонятого адресата. Тим быстро повесил трубку и направился на другой берег Сены через ворота Лувра.

«В сущности, звонил впустую», — подумал он, переходя реку по мосту. и медленно направился к кафе, расположенному напротив Сен-Жермен-де-Пре, где сидел с Машей в субботу и где, ему казалось, мог спокойно поразмышлять за бокалом белого вина. Едва официант принес бокал, как невысокая брюнетка средних лет попросила разрешения сесть за тот же столик и заказала порцию виски.

— Терпеть не могу коньяк, — сказала она Тиму по-английски. Огромные черные очки закрывали чуть ли не половину ее лица, видны были только тонкие, плотно сжатые губы. Можно было только догадываться, что она говорила без улыбки. — Вы ведь не парижанин, не так ли?

— Да, я здесь проездом.

— По работе?

— Нет, — невозмутимым тоном ответил Тим, не имевший желания продолжать беседу.

— Вы выглядите человеком, отягощенным заботами, — заметила женщина.

— Скажите еще, мировой скорбью, — ответил Тим.

— Мировой? Уж не угнетают ли вас события в какой-нибудь Аргесуэлле? — спросила женщина.

Тим не ожидал такого вопроса, вздрогнул и замешкался с ответом.

— Не очень, у меня нет там знакомых, а с точки зрения судеб демократии даже не знаю, что и думать, — неуверенно ответил Тим.

— Спасибо, — сказала дама официанту, поставившему перед ней заказанный виски, и сделав большой глоток, снова повернулась к Тиму. — Демократия! Народ может либо выбрать из обманом подsunутых ему личностей, либо бунтовать. Решать он никогда ничего не может. Решают другие.

Тим вспомнил о таинственном совещании у вице-президента Чейни перед началом войны в Ираке. Просто список его участников оказался секретом. Дискутировать с дамой тем не менее не хотелось.

— При всем прогрессе средств информации, — продолжала она, — народу дают ту информацию, которая не может нарушить существующий порядок или даже просто дать понять структуру общества и ее изменения. Например, обращали ли вы внимание, что в аэропортах не встретишь богатых людей?

— Не обращал. Куда же они делись?

— Они не летают коммерческими авиалиниями. Ни в обычном салоне, ни в бизнес-классе. Люди с деньгами летают частными авиалиниями. В их самолетах не больше пятнадцати человек на борту. И таких людей много. Цена билета, естественно, несопоставимо выше. Публике же широко известно только, что миллиардеры летают на своих собственных самолетах, но таких не так много. Распространение информации и ее источники — секретнейший бизнес, но, как вы понимаете, без использования труда обычных людей в нем не обойтись. Иногда люди, используемые при подготовке решений, догадываются о чем-то тайном, — продолжала дама после второго глотка, — иногда они начинают суетиться и...

Тим внутренне похолодел и перебил ее:

— И что тогда?

— Напрасно вы волнуетесь за таких людей, — все тем же ровным безэмоциональным тоном продолжала дама, допивая виски до дна, — мировой или даже государственный порядок гораздо важнее. Посмотрите хоть на недавние события в Аргесуэлле, как гладко все происходит. Значит, какой-то план здесь есть, и кто-то этот план разрабатывал.

— Выдумать можно все что угодно, — угрюмо пробормотал Тим.

— Ну, вы же серьезный человек, — сказала дама, отсчитала наличные за виски, положила под блюдечко, встала и, повернувшись спиной, пошла ко входу в церковь. Тим почему-то с удовольствием отметил, что ноги у нее кривые.

Необъяснимая тревога не улечивалась после этого разговора весь остаток дня, и Маша отметила его тревожное настроение сразу после концерта. В метро Тим рассказал ей о беседе с дамой.

— Хм, а что ты делал до этого?

Тим с неохотой рассказал о звонке Лешке.

— Ты звонил ему только один раз? — спросила она, когда они выходили из метро.

Тим не стал врать и рассказал о всех звонках.

— Навел-таки на след, великий конспиратор, — злобно сказала Маша, сдвинув брови. — Вечно эти ученые хотят что-то узнать себе на голову.

Маша была только на полгода старше Тима. Они выросли в одно и то же время, время слома старых ценностей в обществе. Интеллигентная семья Тима, хоть и испытала давление этого слома, но сохранила традиции и, как, могла, сопротивлялась

новым веяниям. С Машиной семьей все было иначе. Отец остался на старой работе инженером и зарабатывал мало, а вот мать, заведующая аптекой, вдруг стала ее хозяйкой. Потекли деньги, но отношения в семье разладились, и родители развелись. Студентка Маша осталась с матерью, но с каждым годом мать и дочь все больше становились чужими. Мать стали интересоваться только деньги. Маша кое о чем догадывалась, но никогда не обсуждала с матерью ни качество лекарств, продаваемых в ее аптеке, ни то, как они туда попадали. Она просто старалась быть непохожей на мать. В каком-то смысле ей это удавалось. Сложнее было с наследственностью: Маша и мать были очень похожи, и Маша с трудом справлялась с унаследованной от матери агрессивностью и охватывавшей ее иногда безудержной злостью. Вот и сейчас сообщение о звонках Тима приятелю, поставившие под угрозу не только жизнь Тима и их отношения, но и ее жизнь, вызвало приступ злости, с которой она едва справилась. «Маменькин сыночек не понял, куда попал и с кем имеет дело. От таких дел не уходят по собственному желанию. Господи, что же делать?» — думала Маша, стараясь в то же время взять себя в руки.

Они молча вошли в квартиру, Тим чувствовал себя весьма неуютно.

— Маша, может, мне лучше уехать в Канаду? — спросил он, едва переступив порог.

— В Канаду собрался, — повторила она, не изменяя тона. — Иди спать, ученый.

Среди ночи Тим услышал, что она вышла на кухню и с кем-то тихо разговаривала по телефону. Когда она снова легла, он спросил, кому она звонила.

— В Аргесуэлле, — почти шепотом ответила она.

Тим не понял, всерьез ли она сказала это.

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Первое, о чем Тим подумал, едва проснувшись, была вчерашняя встреча с дамой в черных очках. «Ничего особенного в ее замечаниях не было. То, что она упомянула Аргесуэлле, естественно, раз теперь все говорят об этом. Общие сентенции не представляют ничего нового. Единственное, что настораживало, это ее удовлетворенность развитием событий в Аргесуэлле. Однако я же не знаю точно, о какой стране была поставлена задача нам с Риком», — думал Тим. И вдруг Тим понял, что было в письме, которое прочитал вчера Лешка. Он должен поехать в Канаду. Дядя Джеймс именно это ему и сообщил. Почему «должен», Тим не понимал, но дядя Джеймс не давал плохих советов. Опаснее ли здесь, чем там? Все ли закончилось? Может, что-то еще должно начаться? Маша придет с работы — нужно обсудить с ней.

Удивительно, но в последние дни Тим время от времени, думал о том, как включить в проблему временный увеличенный прирост населения. «Мать говорила, что я ученый с пеленок, — улыбнулся Тим. — Может быть, все улеглось и можно ехать в Миннеаполис. Вряд ли в университете кто-нибудь обо мне вспомнил. Лето. Денег у меня почти не осталось. Их, скорее всего, не хватит даже на билет. Попросить у Маши неловко. Маша...» Тим улыбнулся. Им было хорошо вместе, и расставаться не хотелось.

— Маша, теперь я боюсь опять что-то сделать не так, посоветуй, — спросил Тим за завтраком, — как мне взять деньги, которые университет перечисляет мне как жалованье, но не засветиться снова и никого не подставить?

— Вообще говоря, если бы ты выписал чек за услугу какой-то большой организации, то у банка не должно возникнуть оснований не оплатить его, а ты бы мог получить обратно деньги, отказавшись от ее услуги. Так получают обратно деньги за

сданный авиационный билет, — подумав с минуту, ответила Маша. — Однако такое не делается в пять минут. Сколько денег, как срочно и зачем тебе надо?

— Начну отвечать с последнего вопроса. Я обдумывал смысл сообщения «По приезде в Канаду звоните Джеймсу». Почему-то Джеймс считает, что я должен быть в Канаде. Может быть, потому что, по его мнению, мне безопаснее быть там, чем где-либо еще. Но могут быть и другие причины. Может быть, ему просто проще приехать туда, чтобы поговорить с глазу на глаз. Поэтому деньги мне нужны на билет в Канаду.

— Хочешь, поедem вместе?

— Как бы ни хотел, это слишком опасно.

— Ты не вполне доверяешь Джеймсу?

— И ему тоже, и я не хочу подставлять тебя.

— Ну, тогда уезжай сию же минуту, — усмехнулась Маша и минуту, молча улыбаясь, смотрела на стенные часы. — Так, минута прошла, а ты и не подумал даже встать из-за стола. Тогда будь любезен, проведи этот день без всякой самодеятельности, а я постараюсь кое-что узнать, и мы вечером договоримся о дальнейшем. Как ты можешь понять, какие-то контакты за столько лет у меня здесь появились. Поскольку ты не очень занят, сходи сразу после полудня на уличный базар на Домесниль, я тебе напишу, что купить и как это называется по-французски. Там вся еда и свежее, и дешевле.

В пятницу утром Тим вошел в агентство Аэрофлота и представился описанному Машей сотруднику. Тот провел его в служебное помещение, где его уже ждали Маша и какая-то дама лет под пятьдесят, одетая не в униформу агентства, а в серый костюм.

— Мы можем принять оплату вашим чеком под ее гарантию, — сказала дама, показывая рукой на Машу, — и поскольку Маша сказала, что вам надо для уточнения даты вылета сделать пару звонков, вы можете воспользоваться моим телефоном. Простите, мне нужно выйти на пару минут.

Тим посмотрел на часы. В Миннесоте уже начало пятого. Первый звонок он сделал Джеймсу.

— Джеймс, это Тим, я говорил с вами в Ту-Харборс.

— Да, я вас помню. Где вы находитесь?

— Я еще в Европе. Я узнал о гибели Рика. Мои соболезнования.

— Да, — как-то слишком безэмоционально ответил Джеймс.

— Я думаю, мне нужно с вами поговорить.

— Честно говоря, я не собираюсь вскоре в Миннеаполис. Мне ближе ехать в Тан-дер-Бэй. Это хоть и захолустный канадский городишко, но меня устроит.

— А когда вам удобно?

— Когда будете в Канаде, перезвоните.

Второй звонок он сделал на факультет.

— А, доктор Костомаров! — радостно взвизгнула секретарша, имевшая обыкновенные честно отсиживать в приемной декана весь рабочий день даже в каникулы. — А мы вас повсюду искали! Даже профессору Вагнеру звонили на днях.

— В чем проблема? — насторожился Тим.

— После гибели профессора Андерсена... Вы знаете о ней?

— Да, к несчастью, — скорбно ответил Тим, и они обменялись дежурными фразами, принятыми в таких случаях.

— Так вот, — продолжала секретарша, — вы, конечно, сразу рассматривались как один из главных претендентов на его место, и как раз вчера пришел имейл от

«Архимед лимитед», что в случае вашего избрания факультет получит многолетний контракт. Обязательно позвоните декану на следующей неделе.

Тим попрощался и, повернувшись к Маше, с ошарашенным лицом пересказал сообщение секретарши.

— Боишься, что выманивают из укрытия? — насупившись, спросила она.

Тим не отвечал с минуту. Затем он достал какой-то бланк и снова позвонил.

— «Архимед лимитед» слушает, простите, как о вас доложить? — раздался женский голос.

— Я доктор Костомаров из университета...

Тим не успел договорить, его перебили.

— А, мистер Вильсон просил соединить его с вами, как только будет возможно.

Подождите минутку.

Его соединили даже быстрее.

— Доктор Костомаров, прежде всего я хочу выразить вам соболезнования в связи с безвременной кончиной вашего босса, — прозвучал в трубке напыщенный голос. — Мы ценили и его квалификацию, и его личность. Вы даже не представляете, насколько полезным было наше сотрудничество. Покойный всячески подчеркивал вашу существенную роль в нем. Вас, наверное, информировали в университете относительно нашего интереса к продолжению сотрудничества...

— Да, я только что звонил туда.

— Звонили. А где, простите, вы сейчас?

— В Париже.

— То-то же мы не могли вас найти. Замечательное место для отдыха. Однако не пропадите бесследно, профессор Костомаров.

— Я еще не профессор. А в чем дело, почему меня искали? Тема, кажется, закрыта, — удивленным голосом поинтересовался Тим.

— Наши интересы динамичны, но было бы кощунственно обсуждать их сегодня, фигурально говоря, над гробом вашего босса. Главное, не пропадите из виду, — подчеркнуто медленно произнес Вильсон и попрощался.

Они решили лететь вместе до Тандер-Бэя. Вернулась дама в сером, стали искать не очень дорогие билеты. Получалось вылететь в воскресенье утром и с двумя пересадками добраться туда к вечеру.

— Я отпущусь на пару дней в начале недели, — решила Маша, — бери два билета с обратным рейсом в Париж на среду или четверг.

Прилетев в Тандер-Бэй, они остановились в гостинице «Рамада» и сразу позвонили Джеймсу. Договорились встретиться утром в магазине самоцветов.

Они приехали заметно раньше назначенного времени, и Маша с удовольствием рассматривала самоцветы, даже купила какую-то мелочь, в то время как Тим то и дело посматривал на парковку. Разумеется, Джеймс приехал со своим псом.

По предложению Джеймса они пошли в облюбованное им кафе.

— Полиция что-нибудь нашла при расследовании смерти Рика? — по дороге спросил Тим.

— Их рабочая версия — пьяный наезд, они начали с опросов близлежащих баров и трех-четырех мастерских, в которых выполняют кузовные работы, главным образом, после столкновений с оленями, — усмехнулся Джеймс, давая понять бесполезность вопроса.

Они сели за столик, и Тим поделился новостями, полученными из телефонных разговоров. Джеймс слушал, не перебивая и, казалось, вовсе не желая комментировать рассказ.

— Считаете ли вы, — не выдержала Маша, — что Тиму уже не угрожает опасность?

— Нам, американцам, всю жизнь вдалбливали, что мы свободные люди, — неожиданно громко и злобно ответил Джеймс, — и Рик пал жертвой этой долбежки. Быть прослушиваемым и отслеживаемым оскорбительно для свободного человека. Вашей жизни, молодой человек, я думаю, пока ничто не угрожает. Аргесуэлла была причиной тому или нет, но тени, неотступно следовавшие за вами, дали отбой тревоги. Пока живите спокойно. Пока. Помните только, что эти тени — навсегда. Вы же не бросите все на свете, включая свою науку, и не уйдете бесследно в какую-нибудь несусветную глушь, как может уйти какой-нибудь плотник. Лично вы уже никогда не будете свободны, если русских это вообще волнует.

— А ваши тени еще за вами? — осмелев, спросил Тим.

Джеймс угрюмо посмотрел ему в глаза, встал и, бросив вместо ответа «Прощайте», повернулся и вышел.

— Кошмар в том, — тихо сказала Маша, как только дверь кафе закрылась за Джеймсом, — кошмар в том, что, в отличие от Фауста, ты даже не подписывал договор с дьяволом.

— Подписали они, а я им просто попался на пути, как Гретхен, — в тон ей заметил Тим.

Остаток дня в этом городишке они не знали, куда себя деть, и к закату были рады забраться в свой номер в гостинице.

— Ну, что же ты решил? — спросила Маша

— Если я вернусь в Миннеаполис, ты поедешь со мной?

— Стать домохозяйкой в сорок — нужна смелость, родить полдюжины детей я тебе просто не успею. К тому же у меня нет специальности, филолог — это разве специальность? — как-то неуверенно отвечала она. — Сам-то ты для себя что решил?

В это время в дверь номера постучали. Тим открыл дверь и увидел Джеймса с собакой. Собака встала на задние лапы и зарычала. Тим вскрикнул.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Когда Тим открыл глаза, первое, что он увидел, было склонившееся лицо Маши.

— Ты кричал. Тебе приснилось что-то страшное? — спросила она.

— Ты не уехала? Как хорошо.

— Не надо говорить, полежи еще немного спокойно, а я приведу врача.

Тим снова закрыл глаза и провалился в неглубокий сон. Через короткое время он увидел Машу, а рядом с ней человека в белом халате, в котором он с трудом узнал дядю Джеймса.

— Тим, вы молодец. Такие пациенты — удача врача, — лицо дяди Джеймса просветлело.

Ничего не понимающий Тим перевел взгляд на Машу. У Маши был измученный вид.

— Где мы? — спросил Тим.

— Ты в больнице. Когда ты ехал в банк, твоя машина столкнулась с грузовиком, водитель которого заснул за рулем и выехал на встречную полосу. Сегодня тебя собирався навестить Рик.

— Как Рик? Разве он не погиб на берегу озера Верхнего?

— Он туда и не ездил. Это тебе померещилось в бреду.

— Сколько же времени я здесь? — спросил ничего не понимающий Тим.

— Из-за травмы врачи держали тебя без сознания неделю. Искусственная кома.

Тим еще плохо понимал, что сказала Маша. В это время врач-Джеймс вышел из комнаты, а вошла медицинская сестра, и Тим наконец увидел ее лицо. Без больших

темных очков она была даже привлекательна, несмотря на тонкие, сжатые губы. Она сделала ему какой-то укол, а когда выходила, Тим напрягся: «Где же я видел эти кривые ноги?»

Еще через некоторое время вошел Рик. Посмотрев на Тима, он улыбнулся и подошел ближе к кровати. Рик выглядел почти счастливым:

— Тим, как я рад, что ты выкарабкался.

— Рик, а что с маячками?

— Неловко вспоминать мои страхи, — расхохотался Рик. — Ты же помнишь лаборантку Джейн. Так вот, ее жених, которому ты дал прозвище Отелло, приревновал ее, подозревая, что кто-то с факультета, деликатно говоря, навещает ее, и решил отследить соперника. Он попался при попытке прикрепить такой же маячок к машине еще одного нашего сотрудника.

Тим улыбнулся и подумал: «Как хорошо, что все так просто. С болезнями через какое-то время справляются. Слава богу, это не тени, это не на всю жизнь».

Когда Тим снова открыл глаза, Рик добавил:

— Есть еще одна интересная новость: «Архимед» прислал контракт на продолжение работы. Они хотят, чтобы мы в постановке задачи учли влияние повышенного прироста населения за двадцать-тридцать лет до начала развития событий.

— Это невозможно, — еле слышно произнес Тим.

— Почему?

«Невозможно, потому что это — возвращение к бреду. Сергея Юрьевича в хельсинкском поезде с его идеей перенаселения никогда не было. Или он был, а бред — это то, что происходит сейчас?» — подумал Тим и снова закрыл глаза.